

Сергей Канашевский

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АТЛАНТИДУ

КНИГА 1

Часть I

АД И РАЙ ИВАНА ПОВАЛЯЕВА

*Посвящаю моей
бабушке —
С. И. Поваляевой,
пронесшей через всю
свою жизнь веру и
передавшей ее частичку
мне.*

1. Шаги в тумане

Дисколет летел низко над горами. Так низко, что, казалось, можно было разглядеть каждую травинку на земле. Выше летательного аппарата торжественно парили орлы, высматривая внизу своих жертв. Еще выше плавно несли свои причудливо-пушистые формы темно-синие и золотистые облака.

В дисколете находились двое — старик и юноша.

— Смотри, — старик одной рукой мягко

приобнял юношу за плечи, а другой указал в сторону высокой горы, — там строится храм Бога Тота. Приземлимся, посмотрим на строительство?

Юноша согласно кивнул. Старик опустил пальцы на пульт управления и задал дисколету команду на посадку. Через несколько минут путешественники высадились на вершине холма. Отсюда открывался хороший вид на строительство. Сотни рабочих в коротких серых одеждах копали землю, переносили грузы, обтесывали каменные глыбы. По периметру стояла охрана. Воины в длинных белых одеяниях со шлемами на голове — неподвижные словно памятники — выделялись на фоне серой массы рабочих и невысоких зеленых зарослей.

— Храм должен быть построен к Великому празднику Тота, — сказал старик. — Времени осталось мало, а работы — много. Наместник Винанта торопится преподнести подарок Верховным жрецам.

В этот момент внизу что-то произошло. Группа рабочих побросала орудия труда и побежала в сторону воинов. Два десятка стражников, выхватив короткие мечи, в несколько минут подавили небольшой мятеж.

Юноша, смотря вниз на происходящее, крепко сжал зубы и невольно сделал несколько шагов вперед, к обрыву. Он не мог спокойно смотреть на

жестокою расправу с беззащитными. Старик остановил его.

— Пройдет немного времени, и наши правители пожалеют о том, что разделили народ на имущих и бесправных, — печально произнес он.

— А нам остается только ждать, когда это произойдет? — Лицо юноши исказила гримаса, свидетельствующая о глубокой внутренней боли. Затем он справился со своим чувством и вернулся к дисколету. — Нет, мы не можем со стороны созерцать происходящее. Мы должны действовать.

— Поговорим об этом позже, Галвис, — ответил старик. — Нужно лететь, начальник стражи увидел нас. Не хватало нам еще объяснений со скудоумными охранниками.

На этот раз дисколет взлетел выше. Облака скрыли землю, молочный туман затопил все вокруг...

** * **

Иван Поваляев — человек в целом положительный, среднего роста, крепко сложенный, сильный, спортсмен и музыкант, ученик десятого класса школы-лицея — быстро шагал сквозь осенний утренний туман по направлению к своему учебному заведению. Шагал

он не просто быстро, но даже несколько весело, а точнее — едва не бежал вприпрыжку. Причиной тому служило, естественно, не желание как можно скорее сесть за парту, а нечто совсем иное. Этой иной «причине» было шестнадцать лет от роду, звалась она Ольгой и обладала всеми качествами, которые должна иметь молодая девушка, дабы пленить сердце такого видного парня, как Иван Поваляев. Ум, красота, обаяние, грация движений. Нежность и загадочность, льющиеся из глаз. Струящиеся до плеч черные локоны шелковистых волос. Голос, звучащий словно райская музыка...

В числе прочих качеств дамы сердца Ивана Поваляева было еще одно: таинственность. Ольга была в классе новичком. Но за месяц учебы не завела себе подруг, вежливо уходила от назойливых ухаживаний одноклассников. Новенькая не настроила против себя лидеров класса, но и не влилась в «общую толпу», оставив за собой право пребывать в «гордом одиночестве». Иван разговаривал с Ольгой только раз. Это случилось тогда, когда на перемене классная элита обсуждала один из очередных американских бестселлеров.

— Лучше бы этот герой умер в самом начале, — сказала Ольга, ни к кому не обращаясь. — Тогда бы не пришлось снимать весь фильм.

— Но ведь тогда бы и добро не

восторжествовало над злом, — не без иронии парировал Иван.

— Зато бы денег сэкономили на съемки другого фильма, — собеседница сразу же среагировала на реплику Ивана.

Они обменялись еще несколькими шутивными фразами, и все. Однако этого было достаточно, чтобы стрела Амура окончательно пронзила сердце Ивана. Он каждый день шел в школу с намерением поговорить с Ольгой наедине, с глазу на глаз, предложить ей дружбу. Но, боявшись отказа, все откладывал разговор на следующий день. Вот и сегодня Иван намеревался использовать болезнь математички (она болела, и поэтому второго урока не было) в своих личных, корыстных целях. Он совершенно точно пообещал себе, что сегодня подойдет к Оле и поговорит с ней.

Наш герой хоть и побаивался предстоящего разговора, но очень надеялся на лучшее. Вот почему он почти вприпрыжку бежал в школу с приподнятым настроением и не замечал ничего вокруг.

И крайне удивился, когда возле ограды школы его окликнули:

— Иван! Ваня! Подожди!

Он оглянулся и не поверил своим глазам. Перед ним стояла Ольга — собственной персоной.

— Здравствуй, — сказала она и сделала

несколько шагов навстречу Ивану.

— Привет, — ответил несколько опешивший юноша и остался стоять на месте.

— Ваня, мне нужно с тобой поговорить, пройдемся немного?

— Ну, конечно...

Встав рядом, плечом к плечу, они пошли в обратную сторону от школы.

— Иван, скажи честно, я тебе нравлюсь? — это был вопрос в лоб. Чего-чего, а такого Иван не ожидал. Неужели она сама хочет предложить ему дружбу? Вот это да!

— Если честно — ответ положительный. А... я... я тебе нравлюсь?

— Ты? Ты, Ваня, хороший человек, отличный парень. Но... я хотела тебе сказать, что... в общем, ни дружбы, ни любви у нас с тобой не получится. — При этих словах Ваньку словно что-то прострелило насквозь. Пальцы на руках неприятно повлажнели от пота. Захотелось сразу развернуться и уйти. Но он не ушел.

— А почему так, если не секрет?

— Почему? Да потому, Ваня. Все потому. — Ольга остановилась. — Хотя нет, у тебя, Ваня, все же есть шанс, есть. Только... сделай для меня одно доброе дело. Сделаешь?

— Какое дело?

— Да такое. Сделай так, чтобы Вадик

Карманов ко мне больше не приставал. А то он меня замучил совсем, проходу не дает, впору уже плакать от него.

— Карманов? Так он к тебе пристаёт? А я не знал...

— Ты много чего не знаешь, Ваня. Выполнишь мою просьбу — тогда и поговорим о нашей дружбе. Ну, пока. Я пошла. А то как бы на язычок к твоим одноклассникам не попасть. Вон их целая компашка идет.

Ольга резко повернулась и заспешила в школу. Иван постоял некоторое время и пошел вслед за ней.

У дверей школы стояла группа одноклассников. От нее отделился Славка Старовойтов и направился навстречу Ивану.

— Здорово, Вань.

— Привет.

— Ты чего такой хмурый сегодня? — Славка пристроился рядом с Иваном и зашагал с ним в ногу.

— А... да так, ничего. — Иван махнул рукой.

— Что сегодня на втором уроке делать будем? Математичка-то болеет.

— Не знаю.

— Может, ко мне пойдём? Чаю попьем, в компьютер поиграем. Мне отец вчера новый диск купил — последняя футбольная версия. Пойдём?

— Как хочешь. Пойдем.

Друзья зашли в класс. Позвенел звонок. Начался урок. Урок истории.

2. Поединок

После компьютерного футбольного матча Иван и Славка сидели на кухне, поглощали яичницу и запивали чаем.

— Слав, а правда, что Карманов к Ольге пристаёт?

— Это к нашей новенькой-то? Да, ходят слухи. Мне ребята из его класса говорили, что он Ольгу каждый день после школы поджидает. Говорят, сильно пристаёт.

— Так... Значит, правда.

— А тебе что до этого? Уж не влюбился ли ты в нее? — Славка с любопытством заглянул в глаза Ивана.

— Может и влюбился. Тебе-то какая беда?

— Мне-то никакой, а тебе, может, и достанется. Нехорошее про нее говорят. Она... она со взрослыми мужиками водится.

Иван, как ужаленный, подскочил со стула.

— А ты сам видел? Ты что болтаешь, сплетни передаешь? Ты сам мужик или баба?

Славка не ожидал от друга такой бурной реакции.

— Да ладно, успокойся, — смущенно пробормотал он. — Ты меня спросил — я ответил. И все.

Иван вышел из-за стола.

— Поговорили и хватит. Пойдем, в школу пора.

Сразу после занятий была репетиция. Репетиция их лицейской группы, которую директор школы Александр Петрович по старинке называл вокально-инструментальным ансамблем. Сами же ребята именовали себя «Квартет икс». Это в смысле, что пока они еще неизвестны, а в будущем... в будущем икс может перерасти в любую величину. Репертуар «Квартета икс» пока не отличался особой оригинальностью. Юные дарования исполняли песни популярных отечественных и зарубежных звезд. В адрес квартета от школьных снобов звучало много нелестного. Поэтому неслучайно к следующему концерту, а вернее — к ближайшему школьному празднику — Осеннему балу — «Квартет икс» репетировал целых три свои песни. Музыку и слова сочинил лидер группы Дима Морозов. А в аранжировке приняли участие все. «Квартетчики» очень хотели добиться признания, произвести впечатление на своих слушателей. И поэтому усиленно готовились к выступлению.

Иван, под стать своему солидному характеру,

играл на бас-гитаре. Ему это нравилось. Слушая какую-нибудь песню, всегда представлял себе, как бы он вел басовую партию. И ему постоянно казалось, что вот в этой песне бас можно было бы вести по-другому. Ребята из квартета порой даже критиковали его за излишние «выкрутасы». Поваляев кивал головой, вроде соглашался, но старался делать все по-своему.

Репетиция уже подходила к концу, когда в дверь актового зала, где занимались музыканты, громко постучали. Дима Морозов сострил недовольную гримасу, снял гитару и прислонил ее к стене.

— Игорь, открой, посмотри, кто там, — попросил он барабанщика Игоря Меткина.

Игорь спустился со сцены и открыл дверь.

— Вань! Тебя на выход!

Иван, направляясь в коридор, гадал, кому это так спешно понадобился. И несколько опешил, когда увидел за дверью самоуверенную физиономию Вадика Карманова. Позади Вадика расположились двое его приятелей.

— Здорово, Поваляев! — преувеличенно приветливо сказал Карманов. — Отойдем в сторону, поговорить надо.

— Ну, давай отойдем, — пожал плечами Иван и направился следом за Кармановым.

Вадик подошел к окну, облокотился на

подоконник. Поваляев приблизился, встал рядом.

— Слушай, музыкант. Тебя, говорят, сегодня утром с Ольгой Белозеровой видели. Это правда?

Иван, ожидавший чего угодно, но только не разговора про Ольгу, весь внутренне напрягся.

— Кто это говорит? — спросил он, чтобы выиграть время, прийти в себя.

— Народ говорит, от народа ведь ничего не утаишь.

— Ну, если народ говорит — значит, правда. А тебе что за дело?

— А мне до всего есть дело. Поэтому мой тебе совет — держись от нее подальше, если хочешь здоровым быть и на гитаре тренькать. Понял?

— Понял. А теперь послушай, Вадик, что я тебе скажу. Мой тебе совет — даже из своей башки выбрось того человека, имя которого тебе вслух и произносить нельзя. А не то, чтобы встречаться с ним. И подумай до вечера. Вечером после тренировки я жду ответа.

Карманов оттолкнулся от подоконника, вплотную приблизился к Ивану.

— О-о-о! — какие мы смелые. Да ты сегодня на тренировку-то не забудешь прийти?

— Не забуду, Вадик, не забуду. Пока, до вечера! — Иван резко повернулся и направился в актовый зал.

Ну, что ж, подумал он, на ловца и зверь

бежит. Чему быть — того не миновать. Драка с Карманом оказалась неизбежностью.

Вадик Карманов был личностью, в лицее хорошо известной. Раньше таких называли отпетыми хулиганами и людьми, «по которым тюрьма плачет». Теперь же Вадика за глаза называли сыночком «нового русского», и ожидало его прекрасное, обеспеченное будущее. Его папа — родственник мэра города — владел сетью бензоколонок. Сыночек, естественно, являлся «наследником всех своих родных». Тюрьма по нему не плакала, зато от него рыдали учителя, пацаны-одноклассники, не влившиеся в его придворную толпу, и симпатичные девчонки, к которым он приставал, преступая все грани приличия.

Карманов считался едва ли не лучшим бойцом в школе. Быть может, кое-кто из старшеклассников и дрался лучше него, но связываться с ним боялись. Если Карманов не победит один на один, значит — жди разборки со всей его шоблой.

Иван, конечно, уступал Карману по внешним физическим данным. Тот был выше его, гораздо массивнее. Но дрался Иван Поваляев всегда отчаянно, от стычек никогда не уходил. Отличали его подвижность, напористость, выносливость. Поэтому шансы на победу у Ивана имелись. Самое главное — Иван хотел драться. Он ненавидел

Кармана, его окружение, весь его мир с богатеньким папой и со всеми их бензоколонками вместе взятыми. Быть может, пока даже не мог обозначить словами все те чувства, которые он испытывал к кармановскому миру. Зато остро ощущал неприязнь к нему, этому миру, и готов был выразить свои чувства с помощью крепко сжатых кулаков. Иван предчувствовал, что когда-нибудь, рано или поздно, ему придется столкнуться с Карманом. И вот этот момент настал.

Теперь Поваляев боялся.

Нет, он боялся не самой драки. Он очень опасался, что проиграет этот бой. А это значит, победит Карманов, весь его мир, его окружение. В результате такие как он, Иван, отступят еще на шаг, дадут кармановцам место для раздолья. Ну и, конечно, Ольга... тогда она будет потеряна для Ивана навсегда. Девушки не любят слабых.

Перед тренировкой Иван зашел домой к Славке. Они оба занимались в баскетбольной секции. Славка даже выступал за сборную школу. Самому Ивану для профессиональной игры не хватало роста — с его метром семьдесят было сложно бороться с высокими защитниками. Однако, несмотря на отсутствие спортивных перспектив, баскетбол Поваляев бросать не хотел. Он очень любил этот вид спорта. Играл сам, смотрел по телевизору все баскетбольные матчи.

По дороге на тренировку Иван рассказал другу об утренней встрече с Ольгой (конечно, без подробностей) и угрозах Кармана.

— Вань, даже если ты его побьешь — ничего не изменится, — мрачно воспринял новость Славка. — Он соберет свою толпу. А против всех них мы с тобой не устоим.

— Что ж, по-твоему — уступить Карману? Извиниться? Мол, прости, Вадик, я больше без твоего разрешения в туалет не схожу. Так, что ли?

— Да нет, драться, конечно, придется. Но надо подумать, что потом делать.

— Сначала нужно Карману морду набить, а потом думать.

— Волнуешься?

— Все в норме.

— На тренировке не выкладывайся, береги силы.

Во время тренировочного матча Карман, игравший в команде соперников, несколько раз шел на столкновение с Иваном, «фолил» на нем. Иван от его атак уходил. Он на самом деле решил беречь силы и злость для драки.

После тренировки никто из ребят домой не ушел. Всем стало известно о предстоящем поединке. Драка — это всегда представление, которое зритель никогда не оставит без своего внимания.

Сражение состоялось в школьном фойе.

Первый удар нанес Карман. Удар сильный, расчетливый. Ивану едва удалось увернуться. Он двинул руками два раза в ответ, но противнику вреда не причинил, Карман хорошо защищался. И тут Поваляев почувствовал, что Вадик настроен очень серьезно. Используя свою массу, Карман оттеснял его в угол, лишал возможности передвигаться. Неожиданно Иван ощутил резкую боль возле левого глаза. Голова немного закружилась. Противник, используя полученное преимущество, пошел на сближение. Драка переросла в борьбу. Карман повалил Ивана на пол и стал бить кулаками в лицо. Тот едва сопротивлялся. Разъяренный противник переходил границы дозволенного. Он схватил Ивана за волосы и начал бить головой о каменный пол.

И вот тут Поваляев действительно испугался.

Испугался сильной боли и того, что может потерять сознание. Голова начала кружиться сильнее, к горлу подступил комок тошноты. Потом, уже встав взрослым, Иван всю свою жизнь будет вспоминать эту драку и удивляться тому, что произошло в следующее мгновение. Вдруг у Поваляева откуда-то взялись силы. Лежа на спине, он нанес такую оплеуху по физиономии Кармана, что тот не удержался и инстинктивно закрыл свое лицо руками. Ивану этого момента хватило, чтобы

подняться с пола и самому броситься в атаку. Его кулаки заработали как автомат. Он словно робот наносил удары по лицу Кармана, согнувшегося пополам и прижавшего к себе руки. Иван как-то отстраненно увидел, что на сером каменном полу начала образовываться красная лужица. Из носа Кармана потекла кровь. Вадик навалился на стенку и прохрипел:

— Все... хватит... все...

Иван опустил руки, приблизился к поверженному.

— Я битых не бью, — сказал он и повернулся к Карману спиной. Приятели Кармана взяли своего дружка под руки и повели к умывальнику. К Ивану подошел очень довольный Славка.

— Идем, Ваня, нам пора.

Они вышли на улицу и направились к своему дому. Поваляев шел медленно, молчал.

— Я уж думал все, хана тебе, — сказал Славка, когда они миновали несколько кварталов, и школа осталась далеко позади.

— Я и сам так думал, — честно признался Иван. — Подожди, Слав, давай присядем на скамейку, что-то плохо мне.

Они сели, Иван откинул голову назад. Темное звездное небо над головой кружилось в медленном беспорядочном танце. Танец становился все быстрее и быстрее. «Это у меня голова так

кружится», — понял Поваляев. А потом он с удивлением обнаружил, что одна из звезд выросла до размеров человеческой головы. На голове нарисовалась мохнатая шапка, и какой-то мерзкий голос из-под этой шапки притворно жалостно спросил:

— Что, Ваня, плохо тебе? Ничего, мы тебе поможем...

И тут неожиданно темное небо посветлело. И ничего теперь не было, кроме света. Света и покоя...

3. Таинственный конверт и подарки судьбы

Небо медленно светлело над его головой. Он никак не мог дожидаться того часа, когда утро начнет плавно перерастать в начало дня, и уже будет считаться приличным наносить визиты. Тревия, наверное, тоже не спала, ждала его. Но родители девушки могли счесть раннее посещение молодого человека несоответствием этикету. Поэтому он ждал. Ждал и смотрел на светлеющее небо.

Чтобы ускорить бег времени, юноша решил позавтракать. Он разбудил звонком служанку и велел ей приготовить еду и напитки. Служанка удалилась. Но молодому человеку так и не хватило

терпения дождаться, пока она подаст утренние лакомства. Ноги сами вынесли его за ограду дома, и он, стараясь степенно идти, а не бежать быстрее ветра, направился туда, куда влекло его сердце.

Вот и знакомый дом. Сад с причудливыми растениями. Прекрасный широкий портик, недавно выстроенный по законам новомодной архитектуры — с колоннами, украшенными головами невиданных зверей.

Богатые родители Тревии могли себе это позволить...

Боги! Вот и она! Ну, конечно, девушка ждала, причувствовала его приход. Они бросились навстречу друг другу.

— Галвис! Мой родной! Если бы ты знал, как я ждала тебя!

Тревия уткнулась лицом в грудь Галвиса, и юноша почувствовал вдруг не только радость встречи с любимой, но и острую, щемящую боль, идущую откуда-то из будущего. Ну, конечно, счастье подобной любви не может быть бесконечным. С ними что-то случится. Их судьба, радостно взбегая к вершине блаженства, уже наметила свой поворот. Галвис даже с силой качнул головой, чтобы избавиться от предчувствия.

— Ты знаешь, родной, сегодня ночью я

покидала свое тело, — доверительно сообщила Тревия, когда влюбленные устроились на скамье в уютной глубине сада. — Мне кажется, я целую бесконечность гостила в тонком мире. Мои сознание и душа не хотели возвращаться. Наверное, я могла бы не вернуться. Если бы здесь не было тебя...

— Ну что ты, Трев... Мы все уйдем туда, откуда пришли. Только всему свое время. Нельзя нарушать законов Реинкоса. И вообще — откуда такая грусть? Ты грустишь накануне нашего обряда венчания и познания Тайны Золотого Шара. Как тебе не стыдно? Кстати, твои родители назначили дату обряда?

— Да, назначили. Они сообщат ее тебе сегодня. Скоро наши души сольются в единой вибрации... Что же касается грусти... Мне не стыдно, любимый. Грусть — оборотная сторона счастья. И меня все время мучают какие-то предчувствия. В стране, где так много несчастий, нельзя чувствовать себя счастливой. Почему, Галвис, мир разделен на НИХ и НАС? Почему?

— Не думай об этом, моя любовь. Сегодня мы встретились после долгой разлуки. Я долго путешествовал по стране и многое видел. Молчи и слушай. А я буду рассказывать. Хорошо?

— Хорошо. Только давай ляжем на траву. Мы будем лежать и смотреть в небо. Так мне будет

легче представлять все то, о чем ты расскажешь.

Они улеглись в траву. Галвис, положив обе руки под голову, начал свой рассказ. Тревия смотрела в небо. Погода портилась. Солнечное утро плавно переходило в пасмурный день.

«Лучше я буду смотреть на Галвиса, чем на небо, — решила Тревия. Как давно я его не видела, как соскучилась по его родному голосу». Незаметно для себя Тревия закрыла глаза. Не важно, о чем говорил Галвис. Важно, что он был с ней рядом. Под звук любимого голоса Тревия, не спавшая всю ночь, сладко задремала. Постепенно сон полностью завладел ее сознанием...

** * **

В сознание Поваляев пришел уже дома. Он не помнил, как Славка дотащил его. И вот теперь Иван сидел на полу в коридоре, а его лучший друг стоял, прислонившись к стене — испуганный и усталый.

— Если б ты знал, как меня напугал, — признался Славка, присаживаясь на пол рядом с Иваном. — Ну, ты как? Голова прошла? Или еще кружится?

— Кружится еще немного. Но мне уже лучше. Ты иди, а я лягу. Хорошо хоть родителей дома нет.

— Ну ладно, я пошел, — Славка встал и взялся за ручку двери. — Завтра зайду за тобой

перед школой.

— Слав, подожди... Вот давно хотел у тебя спросить. У тебя бывает так, что долгое время снится один сон. Ну... как сериал, с продолжением. Бывает?

— Ну ты даешь, Вань. Сериал? Нет, мне такое не снится. Мне война часто снится. И знаешь, меня даже убили однажды. Только я все равно не умер.

— А мне, представляешь, снится. Снится, да такое, о чем сразу и не расскажешь... И мне кажется...

Но что Ивану кажется, Славка так и не узнал. Дверь отворилась, и в квартиру вошла мама Ивана — Ирина Петровна.

— Ты что это, Ваня, на полу сидишь? — спросила она, снимая с себя плащ.

— Да вот, мам, шнурок никак не могу развязать. — Иван опустил пониже голову, чтобы мать не заметила у любимого сына набирающий все краски радуги синяк под глазом.

— Ну ладно, я пошел, — заспешил Славка. — До свидания.

...Утром друзья шли в школу и обсуждали вчерашнее.

— Кармана-то ты побил, а вот что теперь нам делать? — рассудительно говорил Славка. — Не сегодня-завтра он соберет толпу и нас подкараулит. Вот тогда нам и достанется. И достанется крепко.

Надо что-то придумать.

— Сегодня не соберет, — уверенно заявил Иван.

— Это почему?

— А потому, что сегодня хоккей. Какой дурак будет драться, когда сегодня наши играют с «Динамо».

— Точно. Жаль, что мы на хоккей не идем.

— А кто сказал, что не идем? — Иван засунул руку в карман и извлек оттуда билеты.

— Откуда, Вань?

— Отец купил. Три билета. А сам пойти не сможет. Так что — пока живем!

Иван зашел в класс, опустив голову, стараясь ни на кого не смотреть. Нет, ему не было стыдно. Его победа над Карманом только прибавляла ему авторитета. Просто не хотелось, чтобы одноклассники видели синяк под глазом. Иван сел за парту, достал учебник по химии, раскрыл его и сделал вид, что повторяет домашнее задание. Шестым чувством он ощущал на себе взгляд Ольги. Но в ее сторону не поворачивался. Знал, что сегодня она подойдет к нему. Обязательно подойдет.

Но она не подошла. Ни на первой перемене, ни на второй, ни на третьей... А в конце занятий Иван обнаружил, что ее вообще нет в классе. Ольга просто сбежала с последнего урока.

Для Ивана это был удар. Посильнее тех, какие наносил ему вчера Карман. Он едва удержался, чтобы не встать из-за парты и не выйти из класса прямо в середине урока. Ведь Ольга знала, не могла не знать, не чувствовать, как важен был для Ивана сегодняшний разговор. Тем более — он выполнил ее просьбу. Просьбу, с которой она обратилась к нему. Ведь Ольге, конечно же, стало известно о драке с Карманом и победе Ивана. Об этом шепталась вся школа.

Славка сразу же после занятий побежал проведать свою бабушку, понес ей лекарство, выполняя наказ родителей. Поэтому домой Поваляев направился один. Он медленно шел, опустив плечи, не замечая ничего вокруг, погруженный в свои мысли, в свою обиду, в чувство горечи. Машинально добрал до своего подъезда, поднялся на третий этаж и тут вспомнил, что у мамы сегодня выходной день, и она должна быть дома. Иван нажал на кнопку звонка, дверь отворилась.

— О-о! так вот ты, оказывается, какой красивый! — Мать только что увидела синяк под глазом сына, покачала головой. — Проходи, проходи. Да прямо в свою комнату. Там тебя ожидают.

— Кто, мам?

— Иди, сам увидишь.

Удивленный юноша вошел в свою комнату и остолбенел. В его любимом кресле возле журнального столика сидела Ольга.

— Ты?!

— Привет, рыцарь. Проходи, не стесняйся.

— Привет, — Иван подошел к письменному столу и присел на стул.

Он во все глаза смотрел на девушку, до сих пор не веря в реальность происходящего. Ольга выглядела совсем иначе, чем в школе. Гораздо взрослее, гораздо красивее. Она уже успела переодеться, нанести макияж. Ресницы, умело подкрашенные тушью и от того ставшие как бы более длинными, сделали глаза Ольги очень выразительными. Неяркая губная помада плавно очертила контуры красивых губ. Короткое, тесное платье плотно обтягивало ее стройную фигуру.

Этот новый внешний вид Ольги вызвал у нашего героя противоречивые чувства. В его доме, прямо перед ним сидела очень красивая девушка. Эта девушка пришла к нему, Ивану Поваляеву, а не к кому-нибудь другому. И это было очень приятно. С другой стороны, в глубине души Ивана шевельнулось... чувство одиночества. Показалось, что он и представшая перед ним красота — совершенно разные вещи в этом мире. Иван сам по себе, а она, эта красота — отдельно.

— Я что-то не поняла: ты рад меня видеть или

нет? — Ольга переменяла позу, забросила ногу за ногу. Она чувствовала всю свою красоту и демонстрировала ее перед юношей.

— Рад... Я... не ждал тебя. Но я... рад, конечно. — Иван, наконец, улыбнулся.

— Так вот, рыцарь, ты выполнил то, о чем я просила. И, конечно же, заслуживаешь награды. Проси, я выполню твою просьбу.

Рот Ивана еще более растянулся в улыбке. Он уже знал, о чем попросит Ольгу. И это был очень хитрый прием.

— А точно выполнишь?

— Ну... если эта просьба будет в рамках приличия и если это будет в моих силах...

— Эта просьба будет неприличная, — Иван после шока, вызванного неожиданным появлением Ольги, пришел в себя и почувствовал, что пора переходить в атаку. — Да-да, просьба будет неприличная, но тебе ее выполнить будет по силам.

В глазах Ольги мгновенно вспыхнуло любопытство. Она явно не ожидала такого ответа, вся несколько подалась вперед и оценивающе посмотрела на своего собеседника.

— Ну, говори.

— Впрочем... вы, сударыня, не так сильно мне обязаны. И, наверное, будет достаточно того, что вы пришли сюда и поблагодарили меня. Так что мы почти квиты.

Иван верно рассчитал свой ход. Женское любопытство должно было взять верх. И оказался прав.

— Я не могу оставаться в долгу. Раз обещала — значит, выполню. Говори!

— Вы должны, сударыня, совершить почти невозможное и очень неприличное для дамы. Вы должны... вы должны... пойти сегодня со мной на хоккейный матч и стойко выдержать все три периода пытки, невыносимой для лиц прекрасного пола.

Ольга приняла прежнее положение, откинувшись назад в кресле.

— Ты ошибся, Ваня. Очень ошибся. Это — не испытание для меня. Я люблю хоккей. Когда я была маленькая, и когда мы жили еще с отцом, он часто водил меня на хоккей. Мне это нравилось. Я выполню твою просьбу с удовольствием.

— Договорились.

— Во сколько ты зайдешь за мной?

— В шесть. Только, Оль, я знаю дом, где ты живешь, но не знаю номера твоей квартиры.

— Квартира сорок семь.

В комнату заглянула мама.

— Обед готов. Оль, ты пообедаешь с нами?

— Спасибо. Я уже пообедала дома. Мне пора.

Иван проводил Ольгу и уселся за обеденный стол. Мама принялась разливать по тарелкам суп.

— Мам. А почему ты пускаешь в дом незнакомых девушек?

— Это кто незнакомая — Оля? Ты ошибаешься, сын. Я Олю знаю давно. Мы с ее мамой раньше работали вместе и даже дружили немного. Я у них в гостях бывала.

— Вот как? — удивился Иван и принялся за суп.

Суп был очень вкусный. Поваляеву показалось, что такого прекрасного супа он не ел никогда в жизни.

* * *

На хоккей они отправились втроем — Иван, Ольга и Славка. Сначала Иван зашел за другом, а потом они вместе нанесли визит Ольге. Славка делал вид, что нисколько не удивился появлению девушки в их компании. Он все время шутил, рассказывал анекдоты и вообще блистал остроумием. В перерывах между периодами Старовойтов бегал в буфет, оставляя Ольгу с Иваном наедине, а потом возвращался и угощал их то мороженым, то шоколадом.

Ольга на матче показала себя настоящим болельщиком. Она вместе со всеми громко кричала, хлопала в ладоши, очень непосредственно выражая свои эмоции. И хотя их любимая городская команда

«Металлист» проиграла со счетом 2:4, ребята после увлекательного матча покидали Дворец спорта в прекрасном настроении.

А возле дома Ольги их поджидал «приятный сюрприз». У ее подъезда стояла группа подростков. Славка первый заметил их и толкнул в бок Ивана.

— Смотри, это не нас ли ждут?

От толпы отделилась фигура и двинулась навстречу Ивану, Славке и Ольге. Свет фонаря выхватил из темноты знакомое лицо.

— О! кого я вижу! Привет честной компании!

Засунув руки в карманы своей модной куртки, к ребятам приближался Вадик Карманов. Плотной стеной за ним выстраивались его дружки.

— Сейчас, Ваня, нас будут бить, — очень спокойным тоном произнес Славка и машинально сделал шаг назад.

— Это кого здесь бить собираются? — раздался за спиной ребят незнакомый голос. Они обернулись и увидели перед собой высокого, атлетически сложенного мужчину. Рядом с ним Иван разглядел еще одного человека — маленького, сутулого, неопределенного возраста. Верхнюю часть лица этого человека скрывала надвинутая на глаза кепка.

Высокий мужчина сделал шаг вперед и остановился прямо перед Ольгой.

— Ба! Да это никак сама Ольга Витальевна!

Это не вас ли, девушка, бить собираются?

— Нет, Владимир Петрович. Не меня, а их, — Ольга кивнула головой в сторону Ивана и Славки. — Мы вот с хоккея возвращаемся. С хорошим настроением. А они нам его испортить хотят.

— Вот как? Ну, это же нехорошо. Ай-ай, как нехорошо. Вы что же это, мальчики, похулиганить собрались?

Владимир Петрович решительно направился в сторону Кармана и его дружков.

— В чем дело, ребята? Вам не пора ли домой? — он грудью налег на Вадика и стал оттеснять его назад.

Вадик и его дружки явно растерялись.

— Да... мы... ничего. Мы... просто идем, — испуганно пролепетал Карман.

— Ну, вот и идите, ребятки. Идите...

Вся кармановская ватага развернулась и поспешила скрыться.

Владимир Петрович некоторое время смотрел в сторону удаляющихся молодчиков, а затем двинулся к ребятам.

— Тебя проводить, Ольга? — спросил он.

— Благодарю вас, Владимир Петрович. Я-то уже дома. Вы лучше их проводите.

— Как скажешь, Оленька.

— Всем до свидания! — Ольга сделала ручкой

и направилась к двери своего подъезда.

— Пока! — крикнул ей вслед Славка. А Иван, не ожидавший такого крутого поворота событий, даже попрощаться с Ольгой не успел.

— Ну, пошли? — Владимир Петрович посмотрел на Ивана и Славку.

— Спасибо, — ответил Иван, — мы сами дойдем.

— Вежливость и гордость хороши, а здоровье дороже. — Владимир Петрович приобнял Ивана и Славку за плечи и подтолкнул вперед. — Пошли, а то я смотрю, у вас на двоих уже один синяк есть. И этого, думаю, пока достаточно. Вы, надеюсь, в этом районе живете?

— Да, здесь недалеко.

— Тогда — вперед!

Через несколько минут ребята уже стояли перед своим домом.

— Спасибо, Владимир Петрович, — поблагодарил незнакомца Славка. — Мы уже у цели. Это наш дом. До своих квартир мы сами доберемся.

— Тогда бывайте, хлопцы. Счастливо! — Владимир Петрович развернулся и быстро зашагал обратно.

— Ну, пока, Вань, — Славка подал Ивану руку. — Завтра я за тобой зайду.

Иван попрощался с другом и направился к

своему подъезду.

— Молодой человек, подождите! — Поваляев вздрогнул от неожиданности и обернулся. Вслед за ним ковылял маленький сутулый человек в надвинутой на глаза кепке — тот самый, которого Иван видел вместе с Владимиром Петровичем. — Подождите! Вас ведь Ваней, кажется, зовут?

— Да, — Иван остановился. — А в чем дело?

— Вот, велено вам передать, — мужчина как-то старомодно поклонился и протянул Поваляеву нечто, напоминающее по форме конверт. Иван взял в руки то, что протягивал ему мужчина, и убедился: это, действительно, был конверт. Только какой-то странный. Изготовлен он был не из бумаги, а из неизвестного Ивану плотного материала, напоминающего по прочности пластик, но только более эластичного. Конверт словно излучал из себя серый, стальной цвет. Поваляев пригляделся и в свете фонаря обнаружил на конверте изображения. Прежде всего он различил три большие буквы: ИСП. Об их значении догадаться было нетрудно. ИСП — Иван Сергеевич Поваляев, то есть его инициалы. В левом углу наш герой увидел рисунок — несколько угловатых строений, обращенных своими верхушками вниз. Над строениями парило верхом на ящере странное существо с длинной палкой в лапах. В правом углу помещалась неразборчивая, но очень красивая,

каллиграфически начертанная подпись.

— А вы уверены, что это именно мне надо пере...дать? — спросил Иван и поднял голову, отрываясь взглядом от конверта. Последнее слово он произнес, заикаясь, потому что мужчина исчез — так, что даже шагов его не было слышно.

Незнакомец словно испарился.

Поваляев пожал плечами и, сунув конверт под куртку, во внутренний карман пиджака, направился домой. Дома как-то сразу почувствовал себя усталым и, отказавшись от ужина, прошел в свою комнату. Вытащив конверт из кармана, Иван попытался его вскрыть. Но это ему не удалось. Конверт представлял собой будто бы маленький плоский ящик, плотно запаянный со всех сторон. Не добившись успеха, Поваляев бросил конверт на стол и лег в постель.

Этой ночью, впервые за последнее время, Иван не увидел свой Сон. Он спал как убитый. Поэтому, конечно, юноша никак не мог заметить, что в полночь странный конверт на столе вдруг начал изменять свой цвет. Серая сталь накалялась, превращаясь в красный металл. Красный металл преобразовывался в ярко огненное тягучее вещество, напоминающее магму. Магма растеклась по столу и трансформировалась в таинственные знаки. Имеющий возможность их прочесть — прочитал бы: «Гашшарва, Друккарг».

Не успел в окне мелькнуть первый снег, как вещество вновь обрело свои прежние цвет и форму. В комнате витал запах серы. Конверт продолжал лежать на столе.

* * *

Утро следующего дня началось неожиданностями.

Во-первых, Иван запел. Запел прямо в ванной комнате, во время водной процедуры. Умываясь, Поваляев всегда пел. Чистя зубы, всегда мурлыкал. Правда, делал он это весьма бесталанно. Несмотря на то, что Ваня являлся неплохим музыкантом, голос у него совершенно отсутствовал. Поэтому его мать, Ирина Петровна, просто ворвалась в ванную комнату, когда услышала, как ее сын голосом, очень похожим на голос известного музыканта и знаменитого кулинара Андрея Макаревича, исполнил:

«Не стоит
прогибаться под
изменчивый мир,
Однажды он
прогнется под нас».

— Ваня, что с тобой? — Ирина Петровна

схватила рукой за сердце. — У тебя, наконец, прорезался голос?

Ваня и сам почувствовал, что с ним что-то не так. Его голос, действительно, звучал бесподобно, как у настоящего певца.

— Не знаю, мам, — Иван почесал затылок и положил мыло в мыльницу. — Может, и прорезался. Бывает же так. Вот Менделеев, например, бродил-бродил по саду. А потом —

бац! — яблоко ему на голову упало, и он вмиг открыл свою таблицу... А я — бац! — и запел. А ты мне за это яблоко дашь. Хорошо?

— Балда! — ласково улыбаясь, мать запустила руку в волосы сыну. — Менделееву таблица приснилась. А яблоко на Ньютона упало.

— Я знаю, мам. Это просто у меня шутки такие. А яблоко все-таки дашь?

— Дам, только одно. Иди, завтракай.

Неожиданности продолжались и в школе.

Прямо у дверей кабинета математики Поваляева встретила Ольга.

— Привет! — она двинулась ему навстречу, решительно взяла под руку и увлекла за собой на прогулку по школьному коридору. Иван едва успел пристроить портфель на подоконник.

— Здравствуй, — ответил Поваляев, когда они уже шли вместе. Взгляды одноклассников следили за Иваном и Ольгой, словно это были эстрадные суперзвезды, случайно оказавшиеся среди своих поклонников. — Как тебе вчерашний вечер?

— Все-все было просто замечательно. — Ольгины глаза сияли удовольствием и хорошим настроением. — Хоккей мне понравился, твой оруженосец понравился, трусливые кармановские дружки тоже понравились.

— О! Тебе нравятся его дружки? Может, тебе и сам Вадик нравится?

— Дурачок! Мне нравишься ты.

— Значит, мы будем с тобой... дружить?

— Если ты будешь себя хорошо вести.

— А что, я плохо себя веду?

— Пока нормально, а потом — посмотрим.

— Когда мы встретимся?

— Сегодня я не могу, завтра не могу.

Послезавтра — да. В пятницу.

— Пойдем куда-нибудь?

— Нет, будем сидеть дома на диване и смотреть телевизор. Передачу «Ищу тебя». Устраивает? — Ольга лукаво улыбнулась.

— Нет, — улыбнулся в ответ Иван. — Лучше будем смотреть «Спортивные новости». В записи. Хорошо?

— Для десятиклассника у тебя неплохо развито чувство юмора. Но еще недостаточно. Лучше мы будем смотреть и слушать все выступления нашего президента. Тоже в записи. А серьезно — зайди за мной в шесть часов. И я приглашу тебя... к одним моим знакомым. Идет?

— С тобой хоть на край света.

— Вот и договорились. Ну, ступай. — Ольга освободила руку Ивана. — Вон твой оруженосец идет.

По коридору шел им навстречу Славка.

— Это не оруженосец, а друг, — поправил Ольгу Иван.

— Как знать, как знать, — с этими словами Ольга шагнула навстречу Славке и самым ласковым голосом произнесла:

— Здравствуй, Слава. — После чего приподнялась на цыпочки и чмокнула ошарашенного парня в щечку.

— Э-э! — завозмущался Иван. — А меня?

— А ты еще не заслужил!

Прозвенел звонок. Настало время забивать головы знаниями.

На уроке математики случилось еще одно приятное ЧП.

Ивана вызвали к доске, и он как орешек расщелкал задачу, способ решения которой был ему попросту неведом. Иван вообще не был отягощен математическими знаниями, а тут — на тебе — выдал быстрое, и, как выразилась сама математичка, «очень изящное и оригинальное решение».

Но самое сногсшибательное событие этого школьного дня произошло чуть позже.

Сразу после шестого урока состоялся второй тур соревнований по баскетболу. Встречались команды десятого «А» и десятого «В». Фаворитом встречи была команда десятого «А». Команда десятого «В», спортивную честь которого отстаивали в числе других и Иван со Славкой, считалась намного слабее. Как уже говорилось,

Поваляев не был сильным игроком. А тут... сказать, что он отличился — значить, ничего не сказать. Всего он заработал для команды... тридцать два очка! Он забросил десять двухочковых и четыре трехочковых мяча. А самое главное заключалось даже не в этом. Может, зрители того и не заметили, но сам-то Иван знал, что он НИ РАЗУ НЕ ПРОМАХНУЛСЯ! Один мяч он бросил издалека, даже не добежав до середины площадки. Бросил, не очень надеясь попасть в кольцо. Однако тот, проделав в воздухе замысловатый вираж, все же достиг своей цели. Зрители взорвались аплодисментами. Иван в одно мгновение превратился в спортивного героя школы.

После матча Поваляев сбегал домой, переоделся, отдохнул и вновь вернулся в школу на репетицию «Квартета икс». До репетиции оставалось несколько минут. Иван взял гитару Димы Морозова и начал играть какую-то мелодию.

— Эй, ты чего чужой инструмент терзаешь? — шутливо заворчал на него барабанщик Игорь Меткин.

— Оставь, пусть играет, — к Ивану подошел Дима Морозов. — Это что у тебя за мелодия?

И тут Иван, аккомпанируя себе, снова запел. Он начал петь, наверное, даже лучше, чем утром. Ведь он исполнял свою песню. Балладу, которую недавно сочинил сам.

«Мне с тобой захотелось проститься и встретиться снова.

Губ коснуться твоих через целую тысячу лет.

И, узнав обо всем, рассказать тебе только святое.

И тогда умереть. Через тысячу лет...»

Поваляев пел и пел, а Дима слушал, словно замороженный. Когда певец замолчал и поставил гитару рядом с собой, Морозов положил руку ему на плечо и очень торжественно произнес:

— Иван, ты гений. С этой минуты лидер группы и солист — ты. Я слагаю свои полномочия. И почему это ты раньше так не пел?

— Кончай, Дим. Это у меня случайно получилось. У меня же голоса нет — ты знаешь. Давайте лучше репетировать.

За спиной ребят вдруг кто-то заплодировал. Ребята обернулись. Перед сценой стояла Лариса Знаменская из 11-го «А» — первая школьная красавица и... двоюродная сестра Вадика Карманова.

— Bravo, Поваляев! Ты, оказывается, не только мяч в корзину бросаешь, но еще и поешь бесподобно. Ну, прям звезда эстрады!

— Ларис, ты б не мешала нам репетировать, — скорбно произнес Дима. — Я тебя умоляю: покинь зал.

— А тебе, что, Димочка, видеть меня

неприятно? Другим вот нравится. Смотри!

Лариса, стройная и высокая, грациозно, походкой фотомодели прошлась вдоль стены.

— Ну, как? Нравится тебе, Димуль, а?

— Ты красива, спору нет, — продекламировал в ответ Димка. — Но мне музыка все ж милее. Оставьте нас, пожалуйста, Ларочка.

— Да уйду я сейчас, уйду. Мне вот только Ване надо пару слов сказать. Поваляев, иди ко мне, не бойся.

Ребята многозначительно улыбнулись. Иван начал спускаться со сцены. Клавишник Андрей Брыков бросил ему вслед:

— Ваня, ты умрешь в лапах красоты! Мужайся!

Ребята рассмеялись. Поваляев остановился перед Знаменской.

— Слушаю вас, сударыня.

— Выйдем, поговорить надо.

В коридоре Лариса встала прямо напротив Ивана и приблизилась к нему на максимально доступную дистанцию.

— Слушай, Ваня, завтра у меня свободный вечер. И один лишний билет на дискотеку. Обдумай мое предложение. Это во-первых. Во-вторых, Вадик просил тебе передать, что конфликт почти исчерпан. Он хочет с тобой встретиться и поговорить.

— Спасибо, Ларис, за предложение. Но... у меня нет времени. Для дискотек. А Вадику передай: хочет встретиться — пожалуйста. Найти меня нетрудно.

Знаменская медленно покачала головой вверх-вниз и изобразила губками воздушный поцелуй.

— Вау! Какие мы! Смотри, Ванечка, не пожалей. Потом будет поздно. — Лариса плавно развернула свое тело и поплыла вдаль по коридору.

Иван вернулся на репетицию.

Этот день дома закончился сенсацией. Дверь открыл сияющий от радости отец. Он схватил Ивана в объятия.

— Поздравляю, сынок! Твой лотерейный билет выиграл!!! У нас будет новый автомобиль! Девятка!

Сын, ничего не понимая, смотрел на отца.

— Какой билет, пап? Я не покупал никакой лотереи.

— Ну, ты и шутник! А на твоём столе что лежит?

Иван прошел в свою комнату. На столе лежал конверт. Из обычной плотной бумаги. Только черной. Конверт был вскрыт. Из него торчал лотерейный билет.

— Вот, смотри! — отец протянул сыну газету с таблицей результатов розыгрыша лотереи. —

Видишь эти серию и номер, видишь? Я их карандашом подчеркнул. А теперь — сравни с билетом! Совпадают! Я уже звонил, узнал — машину можно получить через неделю, представляешь? «Шестерку» нашу продадим и летом купим дачу на берегу реки. Представляешь, сынок?

Иван вытащил билет из конверта и как-то механически, не ощущая пока ничего внутри, сравнил серию и номер, указанный в нем, с напечатанными буквами и цифрами в газете. Они, действительно, совпадали. Да, совпадали.

И тут в Поваляевской голове словно бомба рванула. Яркий луч проник в его сознание и зажег десятки лампочек, фонарей и прожекторов. Он еще раз произнес про себя это слово — «СОВПАДЕНИЕ». И понял: СЛИШКОМ МНОГО СОВПАДЕНИЙ. В один день вдруг родился талантливый вокалист, способный математик, выдающийся спортсмен. И, к тому же еще, счастливчик-везунчик, выигрывающий в лотерею автомобиль.

Конверт! — понял Иван. Ну, конечно, все началось с конверта. На нем стояли его инициалы. Но, может быть, это тоже совпадение? А инициалы эти принадлежат другому человеку, а вовсе не ему, Ивану Сергеевичу Поваляеву?

— Папа, — Иван повернулся к отцу, — это не

мой конверт. И билет лотерейный не мой.

— Не твой? Как это не твой... А чей же?

— Не знаю, конверт мне передали по ошибке.

Билет не мой.

— А кто? Кто передал?

Дурак! — обругал себя Иван. Надо было еще в школе спросить у Ольги про того мужика. Ведь он был вместе с Владимиром Петровичем, ее знакомым. А почему он вообще ничего не сказал Оле про конверт?

— Пап, извини, мне надо срочно по делу, — Иван прошмыгнул мимо отца и бросился к двери, на ходу сдернув с вешалки куртку.

— Ваня! — крикнул отец ему вслед. — А, может, билет просто утерянный?! А раз мы его нашли — он наш? Слышишь?

Но Иван уже не слышал отца. Он бежал вниз по лестнице, перепрыгивая сразу несколько ступенек. Через несколько минут он уже звонил в дверь Ольги.

Открыла она сама.

— Ваня? Ты чего такой? Что-то случилось?

— Оля... мне спросить тебя надо кое о чем.

— Да ты зайди сначала, потом спрашивай, о чем хочешь.

Иван разделся, прошел в комнату. Там сидел и читал какую-то тетрадку Владимир Петрович. Увидев гостя, приветливо улыбнулся.

— А... герой, здравствуй.

— Здравствуйте.

Ольга появилась за спиной Ивана и, взяв его за руку, хотела увести в другую комнату.

— Ну, пойдём.

— Подожди, Оль. Я... в общем... можно, Владимир Петрович, вас спросить?

— Да, пожалуйста. Что вас, собственно интересует, молодой человек?

— Скажите, а кто был с вами вчера... ну тогда, когда мы встретились вечером?

— Со мной? В смысле — со мной? Ну, вы и были. Оля была. «Дружки», которые вас поджидали. А в чем дело-то?

— А мужик этот... мужчина в кепке, небольшого роста — это ваш знакомый? Он же рядом с вами шел.

— Мужчина в кепке? Не помню такого. Лично я шел один.

— А ты... Оль... ты видела его? — Иван обернулся к Оле.

— Нет, — она покачала головой. — Владимир Петрович был один.

— Ну ладно, извините. Я тороплюсь. — Иван решительно направился к выходу. — Извини, Оля, я тебе потом все объясню.

— Ваня, подожди, — Ольга бросилась ему вслед.

— Что, Оль?

— Знаешь, я хочу тебе сказать...
Поговорить... А вообще — ладно. Потом поговорим. Иди.

Усталый, измученный Иван не заметил того, что Ольга чем-то очень взволнована, не заметил какого-то необычного ее душевного состояния. Иван спускался по лестнице вниз, а Белозерова еще какое-то время продолжала смотреть ему вслед. Но он не почувствовал ее взгляда. И не обернулся.

Выйдя из дома Ольги, Иван направился к Славке. Он решил спросить у своего друга, видел ли тот странного незнакомца. Славкин ответ Иван предчувствовал. Пожав плечами, тот заявил, что никаких сутулых мужиков в кепках он вчера не видел и посоветовал Ивану идти домой и хорошо выспаться после такого трудного дня.

Окончательно выяснилось, что никто, кроме Ивана, сутулого незнакомца не видел.

Это было более чем странно.

4. Один над пропастью, или Бойтесь данайцев...

Дома Ивану едва хватило сил отбиться от отца, пытавшегося узнать, чей же это все-таки лотерейный билет. Ничего толком ему не объяснив, Поваляев добрался до кровати, моментально принял

горизонтальное положение и провалился в сон.

Да, именно ПРОВАЛИЛСЯ. Потому что сначала Иван оказался на дне огромной ямы-котлована. Сверху какие-то серые существа сыпали на него мусор, бросали пыльные мешки, скатывали каменные глыбы. Он едва успевал уворачиваться от того, что летело сверху. Постепенно мусора, мешков и камней становилось все больше. Наконец, мусор стал погребать его под собой. Страшно закричав от боли и ужаса, Иван, цепляясь руками за стены котлована, выбрался наверх. Мрачный мир увидел он перед собой. Вместо неба — черный потолок, вместо строений — тени от них, вместо людей — серые существа, по форме лишь отдаленно их напоминающие, с размытыми, неясно очерченными контурами. И еще — многоногие хищники, изрыгающие всем своим видом опасность и алчность. Иван вновь закричал от страха и проснулся. А, проснувшись, не мог встать с кровати. Он повернулся на бок и, скатившись с матраца, оказался на полу. Встать Иван никак не мог. Он задыхался, руки его тряслись, ноги не двигались. Поваляев лежал на полу, а кровать все росла и росла, достигая невероятных размеров. В конце концов кровать превратилась в огромную металлическую клетку, а Иван — в маленькое животное. Животное начало стремительно расти, и вдруг стало ясно: он узник в

этой клетке, лев в зоопарке, навсегда лишенный свободы. Тут Иван уже не закричал, а зарычал. Зарычал не от отчаяния, а от ярости. Его, Льва, посадили в клетку? Рык его потряс воздух и землю. Все закачалось вокруг, клетка рассыпалась, и увидел тогда Поваляев небо и солнце.

И вот только когда Иван по-настоящему проснулся.

Проснулся и мигом забыл сон.

Утром чувствовал себя наш герой прекрасно. Мускулы его словно налились како-то новой силой. Голова работала четко, ясно. В ванной комнате, принимая душ, Иван снова запел. Запел лучше, чем вчера: голос его просто ласкал слух матери. Так что Ирина Петровна, подавая сыну завтрак, не то шутя, не то всерьез сказала:

— Ванечка, может, тебе после школы в консерваторию пойти?

А потом звучали тревожные звонки.

Первый — когда Иван, не дождавись Славки, зашел перед школой к нему домой.

— Слава не пойдет в школу, он заболел, — сообщила Славкина мать.

— А где он? — спросил Иван.

— Да где — в кровати лежит.

— Можно я к нему пройду?

— Можно, только ненадолго.

Иван зашел в комнату Славки. Тот лежал в

кровати — весь бледный, с капельками пота на лбу. Казалось, Славка за ночь даже похудел, а его и без того длинное тело вроде бы вытянулось еще больше.

— Привет, Славян. Что с тобой?

— Не знаю, Вань. Что-то слабость у меня. Сначала руки как-то отнялись. Они у меня еще вчера перед игрой какие-то не такие были. А сегодня — ноги. Даже встать не могу. Мать вот врача по телефону вызвала.

— Ну, давай, выздоравливай. Я после школы к тебе еще забегу.

Следующий звонок прозвенел вместе со звонком на первый урок: в школе не было Ольги. Не появилась она и до конца занятий.

После пятого урока к Ивану подошла Наталья Владимировна, учитель математики, и сказала:

— Слушай, Поваляев. А ты ведь в математике силен. Я сегодня в этом окончательно убедилась. Может, ты послезавтра на математической олимпиаде за лицей выступишь? А то Антон Корнеев заболел.

Корнеев, одноклассник Ивана, отличник, очкарик и тихоня, всегда побеждал в математических олимпиадах. Ивану вряд ли удастся угнаться за ним. Хотя...

— Наталья Владимировна, а когда Антон заболел?

— Вчера. Его мама мне сегодня по телефону позвонила.

— Я подумаю.

— Думай, Ваня. Но только до завтра.

Ивану стало как-то не по себе, когда, придя на репетицию, он узнал, что заболел и Димка Морозов.

— С горлом у него что-то. Я зашел к нему домой, а его мать меня к нему даже не пустила. Говорит, весь в жару, температура большая, даже не разговаривает. Так что репетиции не будет. Как бы наше выступление на Осеннем балу не сорвалось...

Ольга! Неужели и она...

Иван выбежал из школы и помчался к ней домой.

Дверь Поваляеву открыла мать Ольги.

— Здравствуйте. А можно Олю? Что с ней? Я... я... ее в школе сегодня не было...

— А ты — кто?

— Я — Иван. Иван Поваляев. Моя мама — ваша знакомая, а мы с Олей в одном классе.

— А... Ваня. Нет Оли дома, уехала она, — Иван вдруг увидел, как глаза Ольгиной матери повлажнели и покраснели.

— Уехала? Куда?

— Куда? Да с этим своим — Владимиром Петровичем... — женщина не выдержала и заплакала. — А ты... ничего не знаешь?

— Нет... а в чем дело? Куда она уехала? Зачем?

— Ну... пройди, Ваня, я тебе все расскажу...

У Ивана в груди шевельнулось что-то недоброе. Он вспомнил вдруг Славкины слова: «Она со взрослыми мужиками водится...»

Анна Александровна — мать Ольги — проводила Поваляева в комнату и усадила его на диван. Сама расположилась в кресле напротив.

— Так вот, Ваня, уехала, значит, Оля. Уж я сколько раз с ней говорила, сколько раз ей втолковывала, сколько слез пролила — все бесполезно. Не слушает она меня. Подавай ей эту ихнюю компанию, секту эту... Что б их всех там перевернуло!

— Секту!? — у Ивана мурашки пробежали по коже. При слове «секта» в его сознании сразу возник образ мрачной темной комнаты, где молятся убогие старики и старухи, их спины окровавлены — это следы ритуальных избиений хлыстом. — Так что, Ольга... в секте? Она... Баптистка? — последнее слово Иван вытащил неожиданно для самого себя откуда-то из глубин своей лексики. Еще минуту назад он, кажется, его и не помнил. Это слово вдруг само как-то «выскочило»: секта — баптистка...

— Да нет, не баптистка она... и не секта там никакая. Это я их так называю. А у них,

понимаешь, все семинары какие-то. То в одном городе, то в другом. Ее в это дело Владимир Петрович втянул, сосед наш. Сначала он Оленьку лечил, а потом и вбил ей в голову, что у нее необычные способности есть. Мол, их развивать надо. Я-то сдуру первый раз ее отпустила, думала и правда семинар у них: важные люди, доклады читают. Надеялась, что Оленька моя познакомится там с преподавателями, в институт поступит. А потом мне одна знакомая все рассказала, растолковала мне, дура, что это за семинары у них такие. Мужики и бабы все в одной комнате спят, прямо на полу, на грязных матрасах. Самый главный их, Борисов по фамилии — его даже по телевизору показывали — мужик пожилой. А вокруг себя все молоденьких девчонок держит. Ты уже парень, не мальчик, понимаешь что к чему? Занимаются черте-чем: то по залу скачут да друг на дружке ползают, то летающие тарелки с неба вызывают. И смех, и грех. Вот и боюсь я: испортят мне девку. А отвадить ее от этих семинаров уже не могу. Был бы наш отец жив, он бы с ней справился. А я не могу — своенравная она, Ольга-то...

Ивана словно пружина с дивана подбросила.

— Ну, ладно, пойду я. А когда она вернется?

— Да не раньше, чем через неделю. Вот так,

Ваня...

Иван вышел на улицу. Холодный осенний

ветер мигом забрался ему под куртку. Но ветер этот не смог охладить жар, пылавший в Поваляевской груди. Значит, прав был Славка. Не надо было с ней связываться! Не надо! И ведь уехала — не попрощалась, ничего не сказала, не объяснила. Иван вдруг представил, как Ольгу обнимают опытные мужские руки, чьи-то губы тянутся к ее губам... она там — одна, среди взрослых мужиков. Она, Ольга, которую он еще несколько минут назад считал почти святой. Жар в груди Ивана сменился ознобом, его забила нервная дрожь. Поваляев свернул за угол дома и, убедившись, что поблизости никого нет, дал волю чувствам.

Нет, он не плакал, не рыдал. В его глазах не было ни слезинки. Иван ругался. Изрыгал такие ругательства, которых сам от себя услышать не ожидал. Так продолжалось несколько минут. Затем Поваляев немного успокоился и побрел, куда глаза глядят. Да и куда ему было идти? Славка болел, домой Ивану не хотелось. Кому он был нужен? Да никому! Никому! А, впрочем... Не так все плохо. Ну, конечно! Ведь он сегодня приглашен на дискотеку! И пригласила его не кто-нибудь, а сама Лариса Знаменская, первая школьная красавица. У многих парней голова кружилась бы от такого предложения. А чего ему, Ивану Поваляеву, отказываться? Он что — хуже других? Он что — повеселиться права не имеет?

Итак, Поваляев принял решение. Он направился домой с твердой целью узнать Ларискин телефон и позвонить ей. Да и почему он, собственно, должен страдать и переживать, если другие проводят время так, как хотят: на танцах, на семинарах разных — кому как хочется? Но до дома он так и не дошел. По пути встретился Ивану кармановский дружок — Коля Зуев. Увидев Поваляева, Зуев сделал вид, что неприятеля не заметил и хотел перейти на другую сторону дороги: одному ему, без компании, с Иваном встречаться, понятное дело, не хотелось. Но Иван окликнул его и поманил пальцем. Теперь отступить было поздно, Коля подошел к Ивану.

— Здорово, Зуев. Куда путь держишь?

— Привет. Домой иду. А что? — Зуев с опаской смотрел на Ивана: вдруг драться начнет.

— Да ничего. Слушай, ты Лариски Знаменской телефон знаешь?

— Ну, знаю. А тебе зачем?

— Затем. Дело у меня к ней. Да ты не бойся — она меня сама просила позвонить. Вадик тебя за это не убьет.

— А я и не боюсь. А телефон ее — 43-37-18. Все?

— Все, Коля. Больше к тебе вопросов не имею. Топай дальше.

Купив в ближайшем киоске жетон, Иван

зашел в будку телефона-автомата и набрал номер Знаменской. После двух долгих гудков Поваляев услышал голос девушки.

— Слушаю.

— Лариса?

— Да. Это...ты, Поваляев?

— Я. На дискотеку-то не передумала еще идти?

— Я, Ваня, на дискотеку почти каждый вечер хожу. И больше люблю веселиться, а не думать. Так ты что — придешь?

— Приду. Назначай место и время.

— Давай так. Встретимся у кафе «Осень». В восемь часов. Все понял?

— Понял.

— Ну, тогда пока, до вечера. Смотри, Ванечка, не потеряйся по дороге. Я тебя буду ждать.

— Не потеряюсь. Пока.

Дома Иван старательно выгладил брюки, почистил костюм, выпросил у матери новую рубашку. В коридоре Поваляев взглянул на себя в зеркало и увидел в нем, по ту сторону, почти незнакомого ему парня. Глаза у этого парня были злые, холодные, скулы заострились, клубки бицепсов на руках будто бы сильно выросли за последние дни, им было тесно в рукавах костюма, который юноша носил уже почти год. Иван

отвернулся от зеркала и направился к вешалке, чтобы надеть куртку. Если бы он быстро повернул голову назад, то обнаружил, что его отражение в зеркале не исчезло сразу, а еще несколько мгновений продолжалось существовать самостоятельно. Зазеркальный Поваляев смотрел в спину Ивану и злорадно ухмылялся...

В назначенное время Поваляев появился у кафе «Осень». Лариса ждала его. Ярко накрашенная, модно одетая — в распахнутом длинном кожаном пальто и короткой юбке — Знаменская приковывала взгляды проходящих мимо ребят. И Поваляев вдруг страшно загордился в душе, что такая девушка ждет именно его, а не кого-нибудь другого.

Лариса решительно взяла Ивана под руку и увлекла за собой.

В кафе было многолюдно, темно и дымно. Оглушающее гремела музыка. Лариса высмотрела свободный столик, и они благополучно уселись за него. Подошел официант.

— Нам две «Балтики»! — сходу заказала. — Да! И пачку «Парламента».

Через несколько минут официант принес пиво и сигареты. Лариса пододвинула бокал поближе к Ивану.

— Пиво — не водка. Пей смелей, соловушка. Это твоему голосу не повредит.

Иван взял в руки бокал, понюхал содержимое. Пиво пить ему уже приходилось. Правда, только один раз. Прошлым летом на даче они вместе со Славкой выпили на двоих бутылку холодного пива. И ничего особенного не почувствовали. Так что...

Иван решительно сделал несколько глотков, осушив бокал почти наполовину.

— Молодец! — Лариса пару раз хлопнула в ладоши. — А мне говорили, что ты не пьешь. Может, еще и сигарету?

— Нет, курить не буду. — Иван опять поднял бокал и выпил все до дна. — А вот пива еще можно... Слушай, Ларис, а оно здесь дорогое?

— О...Ваня. Это уже устарело, чтобы парни за девчонок платили. За деньги ты не беспокойся. Деньги у нас есть, — Лариса погрузила руку в свою сумочку и вытащила оттуда скомканную пачку денег. — Видишь? Так что гуляем. Отдыхай, Ванечка.

Знаменская позвала официанта, заказала пиво и закуски. Вскоре официант поставил на стол еще два бокала пива и тарелочки с салатами. Иван потянулся за бокалом, и в этот момент его кто-то взял за руку. Поваляев мгновенно отреагировал, освободившись, и хотел вскочить со стула: перед ним стоял Вадик Карманов.

— Да ты сиди спокойно, Поваляев. В кафе отдыхают, а не дерутся.

Карманов отодвинул стул и сел вместе с ними за стол. Рядом, за соседним столиком разместились четверо его дружков.

Вадик отвернулся от Ивана, обратив внимание на Лариску.

— Привет, сестренка. Вот уж не думал тебя здесь встретить. Да еще с кем? Со знаменитым героем Поваляевым! Очень, очень приятно, — Иван почувствовал фальшь в голосе Вадика. Было понятно, что Карманов знал о месте их встречи, наверняка Лариска его предупредила. — Да, приятная встреча. Вот только что-то стол у вас бедноватый. Ни выпить, ни закусить.

Карманов жестом подозвал к себе одного из своих дружков и что-то прошептал ему на ухо. Через некоторое время на столе появились две бутылки с вином, тарелки с тонко нарезанной колбасой, приятно пахнущие мясные блюда.

Вадик разлил вино по рюмкам.

— Ну, выпьем что ли, Поваляев?

— Я вино не пью, — от выпитого пива у Ивана уже немного закружилась голова, но он еще пытался себя контролировать.

— Да какое это вино? Это — «Мартини». Так... Сладкий напиток для девочек. Давай, Поваляев, выпьем на мировую. Ты хоть и расквасил мне нос, но зла я на тебя не держу. Парень ты что надо. Классный мужик. Давай выпьем. По одной

можно.

Лариска потянулась через стол и погладила своей ладонью руку Поваляева. У Ивана мурашки побежали по коже: до того приятным было ее прикосновение.

— Выпей, Ванечка, — попросила Лариса. — Не порти компанию. Ведь мы так хорошо сидим.

Иван сдался. Он поднял рюмку и залпом выпил. Вино, действительно, было сладковатым на вкус. Головокружения Иван уже не чувствовал, зато приятное тепло разлилось по всему телу, волна удовольствия поглотила его. Жар, до сих пор пылавший в Ивановой груди, начал утихать. Не отказался Поваляев и от второй рюмки.

«Да чего переживать? — рассуждал наш герой. — Я ей нужен был лишь для того, чтобы вот ему, Вадику, надавать по морде. Чтоб он к ней приставал, а она спокойно гуляла бы со своим Владимиром Петровичем или с кем там еще... на этих семинарах. Да мне плевать на нее! Я десятки себе таких найду. Вот Лариска, например... И красивая, и ласковая...»

Зазвучала медленная мелодия. Лариса поднялась, подошла к Поваляеву.

— Пойдем, Ваня, потанцуем.

Они плавно кружились в танце, тесно прижавшись друг к другу. Волосы Ларисы легко касались Поваляевского лица, приятный запах,

исходивший от них, волновал Ивана, заставляя забыть обо всем и просто испытывать удовольствие. Как хорошо, оказывается, танцевать с красивой девушкой и ни о чем не думать...

Пока Иван наслаждался танцем, Вадик пересел за стол к своим друзьям. Там проходило своего рода совещание. С улицы зашел Коля Зуев и сообщил, что к кафе подъехали две машины. В них прибыли представители противостоящей Карману группировки. Вообще весь район их города был поделен на два враждебных лагеря. Карман и его товарищи назывались «мирными» — по названию улицы Мира, где в основном и проживали члены их группировки. Понятное дело, никакими мирными они на самом деле не были, а, наоборот, участвовали в постоянных «войнах» с «черными», которые именовались так, благодаря фамилии их лидера — Миши Черного. Появление «черных» в кафе «Осень» означало нарушение границы, притязание на чужую территорию. И, следовательно, предстояло столкновение, то есть крупная драка.

Карманов разослал своих приятелей по всем уголкам кафе, дав команду «кучковаться». Сам же он остался один. И вот в тот момент, когда Иван с Ларисой вернулись после танца к своему столику, дверь кафе открылась и на пороге нарисовался — у Вадика Карманова от страха даже волосы

шевелинулись на голове — сам Вова Дорофеев по кличке Зубило, правая рука Черного, двадцатилетний парень, уже успевший «сделать одну ходку», отсидеть год в тюрьме.

Зубило быстро и внимательно осмотрел кафе. Увидев Вадика, он ехидно раздвинул губы в улыбке, обернулся назад и что-то сказал своим спутникам — тоже уже достаточно взрослым парням. Все «черные» были как на подбор: рослые, спортивного телосложения. Затем Зубило уверенно двинулся по направлению к Карманову.

— Здорово, Карман! Развлекаешься! А мы тут решили вашу компанию поддержать. А это кто? Твоя красавица-сестренка?

Зубило повернулся спиной к Вадиду и посмотрел на Лариску. В это же мгновение, когда Карман расслабился, Зубило неожиданно нанес ему локтем сильный удар в живот. Вадик согнулся пополам и, ловя ртом воздух, опустился на колени. Зубило погладил его по голове...

— Ай-ай, больно, да? Бедный Карманчик... — Дорофеев обхватил рукой голову Карманова и с силой толкнул его. Вадик растянулся на полу. — Отдыхай!

Теперь жесткие глаза Зубилы уставились на Ивана. То ли от воздействия алкоголя, то ли по какой другой причине, но Иван, так или иначе, испытывавший страх или хотя бы чувство

опасности перед любой дракой, сейчас, кроме жгучей ненависти к врагу ничего не чувствовал. Эта сволочь нарушила такой приятный вечер. И сейчас мерзкий подонок получит свое.

— А это что за мальчик? Твой очередной ухажер, а, Ларис? — Зубило сделал шаг назад, явно готовясь нанести Ивану эффектный удар, который бы сбил того с ног. Перемещаясь, зубило встал задом к барной стойке. И вот тут Иван очень явственно увидел за спиной соперника свое отражение в зеркале. Поваляев стоял с опущенными руками, пытаясь своей видимой беззащитностью ввести Зубилу в заблуждение. Зеркальное же отражение стояло уверенно, широко расставив ноги, грозно оперев руки в бока. Из глаз зазеркального Поваляева, казалось, выстреливали невидимые испепеляющие все на своем пути лучи. Но Ивану некогда было искать объяснение этому странному явлению. Некогда было что-то разглядывать, пугаться, о чем-то задумываться. Он просто рванулся вперед и со всей мощью выкинул руку перед собой. Те, кто находились поблизости, не могли не слышать страшный всхлипывающий звук. Кровь брызнула из-под кулака Поваляева. Зубило моментально обрушился на пол и взвыл от боли, не в силах подняться.

Иван сделал два шага вперед и встал над поверженным соперником.

— Ваня! Сзади! Ваня! — это кричала Лариска.

Иван резко обернулся. Приятели Зубилы окружали его полукольцом. Один из них надевал на руку кастет, в руках другого Поваляев заметил нож. Но страх у Ивана так и не появился. Даже при виде кастета и ножа. Наоборот, в нем все сильнее возрастала уверенность в себе. А, кроме уверенности, Иван почувствовал еще и ничем неизмеримую ярость. Она просто захлестнула всего Поваляева. Эти подонки посмели поднять руки на него, Ивана Поваляева. На того, кто выше их, умнее их. Его и только его жизнь ценна. А они — отморозки, гады...

Иван, долго не раздумывая, схватил стоящий рядом с ним стул и запустил в парня, шедшего на него с ножом. Потом свидетели этой драки удивленно рассказывали, что стул полетел со скоростью пули и ударил нападавшего на Ивана «черного» с такой силой, что тот мгновенно рухнул на пол. И вот в этот момент за спиной «черных» появились «мирные».

Наш герой сделал два шага вперед, собираясь нанести сокрушительный удар парню с кастетом. Но этого не потребовалось. Увидев, что сила теперь уже явно не на их стороне, «черные» бросились убегать, оставив на «поле боя» своих поверженных товарищей.

Лариска кинулась к Ивану и обняла его.

— Ну, ты даешь, Поваляев! Как ты их. А? Молодец, Ванечка...

Затем Знаменская присела и помогла подняться с пола своему брату. Карманов поднялся и, как ни в чем не бывало, вновь обрел вид человека, уверенного в себе — жоака.

— Пацаны! Быстро! Сматываемся! —

скомандовал он. — Я нюхом чую: сейчас ментовка приедет. Сматываемся!

Вся компания в одно мгновение «вывалила» на улицу. Карман продолжал командовать.

— Не улицей, дворами пойдем!

Ребята свернули за угол кафе и уже вскоре оказались во дворе жилого дома — на довольно безопасном расстоянии от места недавних событий. Возле одного из подъездов остановились, закурили.

Вадик несколько раз глубоко затянулся, а потом, поместив сигарету между двух пальцев, эффектно «выстрелил» ее в воздух. После чего он подошел к Поваляеву и положил ему руку на плечо.

— Ну, Поваляев, я твой должник по гроб жизни. Если б не ты — Зубило бы всех нас в кафе положил. И вы все! — Карманов поднял руку и отвел ее от груди в сторону, указывая на всю компанию. — Вы все его должны благодарить!

И тут все начали хлопать Поваляеву по плечу, толкать в бок, теревить его, выражая разного рода похвалу. Иван был очень доволен таким вниманием и выражением благодарности.

Потом компания направилась на свою территорию — к тем домам, где проживало большинство ребят. Разместились на веранде в детском саду. Карман дал денег Коле Зуеву и послал его в ближайший магазин, работавший круглосуточно. Зуев принес пива, вина, сигарет.

Ребята выпили еще, бурно обсуждая все подробности драки и бегства «черных». Несколько раз отхлебывал из бутылки и Иван. Постепенно он уже начал терять чувство реальности. Казалось, что все это происходит не с ним, или, наоборот, с ним, но только во сне, который потом, после пробуждения, можно будет легко забыть.

— Эх, сейчас бы гитару сюда, да песни погорланить, — выразил свое желание кто-то из компании.

— Не сегодня! — прервал его Карманов. — Все, расходиться пора. После махача в кафе нам светиться не резон. Все! По домам!

Ребята начали расходиться. Лариска продолжала стоять. Карман посмотрел на нее.

— А ты чего? Тебя проводить?

— Не надо. Меня вот Поваляев проводит. — Она взяла его под руку. — Пойдем, Ваня.

— Подожди, Ларис, — Карманов приобнял Поваляева, — короче, Ваня, ты наш. Ты свой парень в доску. И в школе теперь ты в законе. Пусть хоть кто-нибудь... — пьяный Карман поднял кулак и погрозил им невидимому сопернику. — Мы хоть кого в порошок сотрем. И еще... Денег тебе будет надо — мне скажи. Я для такого корефана всегда денег найду. Ты понял, Ваня?

Иван пожал протянутую Карманом руку.

— Все... нормально... — пролепетал еще

более пьяный Повалев. — Мы им всем морду набьем. Всем! Ты понял, да?

— Ладно, ладно... пойдём, — Лариска потащила Повалева к своему дому. — Завтра наговоритесь.

Было непонятно, кто кого провожает, поскольку провожатый из Повалева был никакой. Ноги его заплетались, шел Иван, пошатываясь, явно не осознавая куда держит путь.

— Ты, Повалев, меня только до самой квартиры проводи, а то я не дойду! — ехидничала более трезвая Лариска.

Кое-как они поднялись на четвертый этаж и остановились перед дверью Ларискиной квартиры.

— Ну, заходи, Повалев, в гости. Кофе попьем.

Иван стоял, подпирая плечом стенку. Так было гораздо легче держаться на ногах.

— А родители? Папа с мамой что скажут? — поинтересовался Повалев.

— А ничего не скажут. Они за товаром уехали. Вернуться только завтра. Ну, пошли?

— Пошли.

Лариска провела Ивана в комнату и усадила его в кресло рядом с журнальным столиком.

— Сиди. Я сейчас тебе кофе принесу.

Иван сел в кресло и сразу свесил голову на грудь. Ему хотелось спать, но закрывать глаза было

страшно, потому что тогда все вокруг начинало кружиться. А это вызывало не просто неприятные чувства, а очень-очень скверные. К горлу подступал комок тошноты, и внутреннее содержимое готово было выбраться наружу. Но, тем не менее, юноша все же задремал. Его разбудила вернувшаяся с кухни Лариска. Она похлопала Поваляева по щекам.

— Эй! Не спи! Кофе пришел!

Иван открыл глаза. Знаменская буквально влила ему в рот несколько глотков кофе.

— А вот теперь и спать пора, — шепотом произнесла Лариска.

Она выключила свет, вернулась к креслу, и, подняв Ивана на ноги, помогла ему добраться до дивана.

— Ну, давай я тебе раздеться помогу, — Лариска стащила с парня брюки, расстегнула рубашку. — У-у, Поваляев, какие у тебя мускулы! — Знаменская провела ладонью по груди юноши.

Все, что случилось дальше, Иван почти не помнил. Он помнил лишь, как требовательные Ларискины губы присоединились к его губам. Не ответить на поцелуй разгоряченный юноша просто не мог...

А потом... потом он просто как бы потерял сознание.

В этот раз Поваляев впервые в жизни не ночевал дома.

5. Возвращение невозможно

Утром Поваляев позвонил в дверь своей квартиры. Открыла мать. Иван переступил порог, не глядя на нее, потупив глаза. Пауза длилась несколько секунд. Затем все же решился посмотреть на маму. Зрелище было крайне неприятное. Глаза у Ирины Петровны покраснели от слез, губы тряслись — не трудно было догадаться, что она не спала всю ночь, переживала.

— Ваня... ты где был? С тобой все в порядке? Ты цел, здоров?

— Извини, мам. Я...ночевал у приятеля.

— А позвонить? Ты что — не мог сообщить, где ты?

— Мам, он живет на другом конце города. У него телефона нет.

— А зачем ты поехал на другой конец города? И почему не вернулся домой? Что вообще случилось?

— Ну, мы просто поехали... в компьютер играли... А потом уже было поздно возвращаться, я остался ночевать. И все.

— Ты мне врешь, сын! Ну ладно. Я уйду, опаздываю на работу. Вечером мы с отцом

поговорим с тобой.

Иван прошел в свою комнату и рухнул в бессилии на кровать. Болело все: голова, желудок, пальцы рук (после вчерашней драки). Но Поваляев предчувствовал, что все эти боли — пустяк по сравнению с тем, что ожидало его. Это недоброе предчувствие поселилось в нем сразу, как он только открыл глаза сегодня утром, проснувшись на диване в чужой квартире.

Лариска напоила его кофе и быстро выпроводила за дверь — скоро должны были приехать ее родители. Пока Иван засовывал в себя бутерброд с колбасой и хлебал горячий кофе, чувство тревоги в глубине души все росло и росло. Наш герой даже еще не осознавал — насколько серьезно это чувство и какую беду оно несет с собой. Ну — выпил немного, ну — подрался, ну — не ночевал дома. Ну, было у него с Лариской. А что такого-то? Никакого преступления ведь он не совершил. Большинство людей так живет. И ничего. Подумаешь. Вон Лешка Никифоров — поругался с родителями, две недели домой не появлялся. В подвале ночевал, потом вернулся, простили его. И все. Прекрасно сейчас себя чувствует, живет по полной программе. Так что... все путем будет. Все будет нормалек...

Так успокаивал себя Ваня, пока шел от Ларискиного дома до своего. Успокаивал и все же

понимал: ему с рук ничего не сойдет. Это другим все прощается. Ему, Ивану Поваляеву, не простится. Что-то случится, что-то должно произойти. Ответить ему придется. Придется...

В коридоре застучали каблуки. Это мать уходила на работу. Вдруг дверь в комнату Ивана открылась. Ирина Петровна вошла, держа в руках какой-то конверт. Поваляев сразу заметил этот конверт, сердце его дрогнуло. Но это был не тот конверт с лотерейным билетом, а другой. Совсем другой. Мать протянула его Ивану.

— На, тебе письмо.

У него почему-то не хватило сил встать и взять конверт. Он просто приподнялся и сел в кровати. Мать положила конверт на стол.

— Ты опаздываешь в школу, сын. Поторопись.

Вскоре мама ушла. Иван, наконец, нашел в себе силы, чтобы встать, подойти к столу и взять конверт в руки.

Ну, конечно, это был совсем другой конверт. Обычный конверт, на котором Иван не обнаружил инициалов и неразборчивых подписей. Наоборот, очень четким и красивым почерком было выведено: Ивану Поваляеву. А в том месте, где и должно быть, значился отправитель письма: Белозерова О. В.

Иван торопливо, трясущимися пальцами

вскрыл конверт и достал листок. Это было письмо от Ольги.

«Привет, Поваляев!

Здравствуй, мой хороший, мой родной человек. Здравствуй и до свидания. Я хотела сказать Тебе все еще тогда, когда Ты пришел ко мне домой. Но люди почему-то так устроены, что порой трудно сказать человеку что-то важное, когда стоишь лицом к лицу. Проще изложить все на бумаге. На бумаге получается как-то значительнее и правдивее. Ведь правда?

Я хочу сказать Тебе, что Ты мне понравился с первого взгляда. Я просто боялась, я ужасно боялась, что Ты окажешься не таким, каким я Тебя себе представляла. И все мое прежнее поведение — это попытка скрыть настоящее чувство, которое я испытываю к Тебе. И эта просьба защитить меня от Карманова. Она была идиотской. Я понимаю. Но я не жалею ни о чем. Ты — настоящий парень и настоящий человек. Я верю в Тебя.

Ваня, я должна уехать на несколько дней. Не верь ничему тому, что Тебе могут сказать про наши семинары и про мое поведение там. Там — все прекрасно, чисто. Я потом все-все Тебе расскажу и объясню. Я верю Тебе, Ты должен верить мне.

Буду очень скучать и все время думать про Ивана Поваляева.

Твоя О.»

Иван прочитал письмо и бросился в коридор. Он хотел куда-то бежать, что-то делать. Да, надо, надо срочно что-то сделать. Все изменить. Вернуть вчерашний день и переделать его. Он понял, что совершенно предательство, от которого может содрогнуться мир. Страшное предательство, которому нет прощения. Да, надо уничтожить вчерашний день. Надо вырвать его из недр времени и уничтожить. И вдруг здесь, в коридоре Иван отчетливо увидел в зеркале то, что должен был увидеть значительно раньше. Увидел своего зазеркального двойника. Двойник зловеще ухмылялся, а потом начал строить различные гримасы. Лицо двойника вначале было точной копией Поваляевского лица. А потом... потом оно начало изменяться, и... Иван закричал от ужаса. Да, он вспомнил это лицо. Эту физиономию. Этот образ, преследовавший его... не сейчас, нет. Но... когда-то давно, раньше. Да-да, это был его извечный враг. Не первый раз встречал он его на своем пути.

— Ты! Так это ты! — страшным голосом закричал Поваляев и со всей силы ударил кулаком по стеклу. Кровь потекла по руке. — Я уничтожу тебя! Уничтожу!!! — В бешенстве Иван начал бить своей головой по зеркалу, пока оно не разлетелось вдребезги.

Когда сознание покинуло Ивана, его тело

начало медленно опускаться вниз. Наконец наш герой распластался на полу. На желтом линолеуме росла лужица крови, вытекающей из ран Поваляева. В дверь звонили, потом стучали. Стучали сначала руками, потом били ногами.

Но Поваляев ничего не слышал. Он был уже далеко от этой двери, от этих звуков. Он возвращался в другой мир. Мир, который вторгся в него полгода назад. Мир, с которым он не мог расстаться. Мир, который на самом деле и не уходил от него никогда.

* * *

Старик долго смотрел на Галвиса, явно пытаясь воздействовать на него своей волей, используя мастерство голубого луча. Но три года обучения в Среднем храме мистерий не прошли для юноши зря. Его фиолетовый щит свободы без труда отразил нападение. Галвис наблюдал в глазах своего наставника и боль, и мудрость, и доброту. А еще любовь и веру. Юноше было жаль своего старого Керписса. Учитель просил его о том, что он, свободный гражданин своей страны, никогда не сможет сделать. Еще бы — покинуть Атлантиду! И именно в это время! Сейчас, когда Черные рясы захватили власть! Галвис всей душой надеялся, что Верховные жрецы призовут патриотов к

восстанию, он был готов бороться и победить. А они... они пытаются спастись бегством. Мудрецы сошли с ума. Иначе как объяснить то, о чем говорит Керапис?

— Галвис, я повторяю тебе. Все предрешено. Твоя судьба отныне не связана с этой страной. Ты должен выполнить свою миссию. Путь по океану будет далеким и нелегким. Ваш отряд отправится в то место, которое завтра назовут Верховные жрецы. Ваша задача — доставить Ценный Груз и поместить его на сохранение туда, куда укажет ваш наставник. Его имя также сообщат тебе завтра. О месте и времени отправления корабля тебя и других членов отряда известят позже...

— Но, дорогой Керапис! Не ты ли учил меня, что все люди обладают свободой воли?! Значит, я имею право выбора. Я не хочу покидать Атлантиду. Я хочу быть здесь, хочу собственноручно раскалывать черепа этим гнусным Черным Рясам. Хочу использовать свое мастерство, отточенное в Храме мистерий, чтобы рассеять их проклятые магические чары. Пойми меня! Разве не для этого меня готовили? Вы, учителя, сами говорили, что пробьет час «X», и я должен буду послужить своему народу, нашей вере и Великому Свету. Так этот час настал. Но только я нужен здесь. Понимаешь? Здесь! Мой друг Вероникс уже собрал целую когорту воинов.

Он назначил меня одним из своих заместителей. Через несколько дней мы поведем своих солдат в бой. О каком же бегстве может идти речь?

Галвис вновь внимательно всмотрелся в глаза Кератиса. Именно там, в глубине глаз своего учителя, а, следовательно, и в глубине его души, пытался юноша найти ответы на вопросы, терзавшие его сознание.

Как ни странно, сейчас он увидел в глазах наставника усмешку. Усмешка плавно переросла в улыбку. А улыбка учителя всегда была очень многозначительной. Она могла свидетельствовать как об одобрении, так и об иронической снисходительности. Улыбка — отражение шкалы чувств, устремленных к разным полюсам...

— Милый Галвис! Сейчас говоришь не ты. Сейчас говорит твое «ЭГО». Помнишь, я предостерегал тебе от его влияний? «ЭГО» может быть маленьким, может прятаться в глубине твоей сущности. А может разрастись до невероятных размеров, вылезти наружу и подавить тебя. «ЭГО» заслоняет от тебя подлинную реальность и делает реальностью мнимое. Оно пытается отделить тебя от Мира и Света, часть которого есть ты. Сейчас ты стоишь на трех низших ступенях и никак не можешь забраться на четвертую. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Галвис задумался.

— Ты хочешь сказать, учитель, что я общаюсь только со своей личностью и не могу обратиться к своей душе? И... почему ты смеешься, Кератис?

— Ты был одним из самых прилежных учеников в Храме, Галвис. Но, к сожалению, Хронос ограничил нас. Ты не освоил все то, чему должен был научиться до начала выполнения миссии. Если бы ты смог прямо сейчас общаться со своим «Я» на высшем уровне, в Манасе, то узнал то, что тебя очень изумило.

— Я сгораю от любопытства. Скажи мне, Кератис, о чем ты говоришь? Ну, пожалуйста...

— Три ночи назад Верховные жрецы общались с тобой. И твое истинное «Я» уже дало согласие на выполнение миссии. Это было во сне. Ты не помнишь об этом. Но настанет время, и ты вспомнишь все. Завтра, за два часа до восхода Солнца, будь в Храме. Состоится твое Посвящение в миссию. А сейчас ступай. Твоя молодая жена, наверное, уже измучилась ожиданием...

Разговор учителя с учеником происходил в одном из внутренних двориков, недалеко от городского храма Мельхиседека. Лишь зданиям храма этого божества разрешалось располагаться в черте города. Черные Рясы, подчинившие себе жрецов Мельхидесека, придя к власти,

намеревались сделать то же самое и с другими Святыми Орденами. Те, кто им не подчинялся, подвергались гонениям и, наконец, уничтожились. Психическая сила Ряс и их черная магия торжествовала в Атлантиде...

Галвис удалился от места встречи примерно на двести шагов, когда его внимание привлекли шум и крики, доносившиеся с параллельной улицы. Он свернул в переулок и пробежал до его конца. Картина, которую увидел Галвис, заставила его содрогнуться. Небольшой отряд воинов в черных рясах конвоировал группу женщин. По одежде женщин нетрудно было догадаться, что это — жрицы Храма Алары. Именно их орден подвергался сейчас преследованиям Черных Ряс. Одна из жриц, видимо, от бессилия, упала на землю. Черный воин нагнулся над ней, схватил за волосы и безжалостно потащил ее за собой. Женщины, обитательницы близлежащих домов, вышедшие на улицу, увидев это, закричали и запричитали. Галвис рванулся вперед, но потом остановился и огляделся вокруг — надо было найти хотя бы палку, никакого оружия у него с собой не было. Неожиданно чья-то рука легла на плечо юноши. Галвис обернулся.

— Вероникс! Это ты!

Перед Галвисом стояли его друг и двое воинов в полном боевом одеянии. Вероникс приложил палец к губам.

— Тихо! Ты видишь, что творится?! Видишь?! Пока мужи Атлантиды, купленные или уstraшенные, закрывают глаза и пребывают в страхе, пришельцы уже безнаказанно насилуют и убивают наших жещин. Это жрицы Храма Алары. Их ведут, чтобы принести в жертву в храме Мельхиседека. Их хотят убить прямо на алтаре. Галвис! До чего дошла наша Атлантида! Боги, почему вы так наказываете нас?!

Вероникс повернулся к своим воинам и шепотом дал им какие-то указания. Потом он вынул из ножен свой меч и протянул Галвису.

— Возьми мой меч. Я буду сражаться копьем. План мой прост. Мы с тобой вяжемся в драку. Когда рясы окружают нас, сзади на них нападут мои воины. Это будет неожиданная ловушка для черненьких. Мы освободим жриц. Ну, вперед! С нами бог Тот!

Галвис и Вероникс бросились вперед.

— Эй вы, подлые трусы! — закричал Вероникс. — Сюда! Отставьте женщин. Сразитесь с настоящими воинами, если вы мужчины.

Отряд черных ряс состоял из шести человек. Начальник отряда приказал одному воину стеречь женщин, остальные пятеро решительно двинулись на Галвиса и Вероникса.

Хотя ремесло солдата — это не главное, чему учили Галвиса в Храме Мистерий, искусство

воинских боев ему все же преподавалось. Рясы, нападая на двух своих врагов, выпустили впереди себя сгустки черной энергии, предназначенной для парализации воли противника. Галвис усмехнулся в душе. Перед ними были обыкновенные «чени» — начинающие бойцы, с которыми не так трудно справиться. Он выбросил навстречу трехцветный шар, который поглотил агрессию наступающих и, превратившись в луч, направил ее в землю. Меч Галвиса сделал сложное движение в воздухе и поразил первого врага. На Вероникса напал начальник отряда — как видно, более искусный воин. Перед Галвисом выстроились трое черных. Один из них пытался зайти со спины. Галвис разрешил ему совершить этот маневр, приготовившись выполнить упражнение двуглавого змея. Этот прием делал возможным поразить почти одновременно трех врагов. Но он не понадобился. Соратники Вероникса, выскочившие из засады, моментально поразили трех воинов, не ожидавших нападения сзади.

Вероникс к тому времени уже разделался с главарем. Враг был повержен. Последний воин, увидев, что его товарищей постигла смерть, бросился наутек.

— Уведите жриц в условленное место! — приказал Вероникс своим воинам. И, обернувшись к Галвису, добавил:

— Бежим! Сейчас сюда прибегут толпы тараканов. Еще не время их давить!

Через некоторое время друзья расстались, условившись встретиться ночью. Окольными путями Галвис добрался домой. Тревия, увидев мужа, устремилась к нему.

— Где ты пропал, родной?! О Боги! Да ты в крови! Ты что, ранен?

— Нет, со мной все в порядке! Я здоров как племенной бык из хозяйства твоего дядюшки Соникса. — Галвис заставил себя улыбнуться. — Милая, разреши мне умыться.

— Но кровь? Откуда кровь?

Лицо Галвиса сделалось очень серьезным.

— Эту кровь надо немедленно смыть. Эта кровь наших врагов.

* * *

И все же сознание вернулось к Поваляеву. У него хватило сил, чтобы дотянуться до замка и приоткрыть дверь.

— Ванька! Что с тобой?! Да ты весь в крови!

Это был Славка. Иван очень обрадовался другу, хотел обнять его, но сил подняться уже не было. Он так и остался сидеть на полу в коридоре, прислонившись к стене.

Старовойтов снял обувь, сбегал в ванную,

принес оттуда мокрое полотенце и принялся вытирать кровь. Из раны на голове она еще продолжала сочиться.

— Слушай, Ваня, да тебе голову-то надо перевязать. Кровь еще идет.

Иван согласно кивнул.

— Давай.

— Где у вас аптечка?

— В стенке, в шкафу, там... справа.

Славка нашел бинты и неумело перевязал Ивану голову. Потом он помог другу добраться до кровати, уложил его, сам сел рядом.

— Так что случилось с тобой, Вань, а? Решил я за тобой в школу сегодня зайти. Я с утра вдруг хорошо себя почувствовал. Мать сказала: давай иди в школу. Я смотрю: еще рано. Думаю, дай за тобой зайду. Подхожу к двери, слышу: шум какой-то, потом стекло как будто разбилось. Я давай звонить, потом ногами тарабанить. Не открывает никто. Я хотел уже к соседям позвонить. Потом смотрю: дверь потихоньку отворяется. Что случилось-то?

— Не помню я ничего, Слав. Помню лишь: мать на работу пошла. Я, наверное, ее провожал и... упал что ли. Поскользнулся и головой об зеркало ударился... кажется. Я... знаешь, Слав... выпил вчера. Вино и пиво. Наверное, мне пить нельзя. Что-то плохо мне.

— Ты вино пил? С кем? Где?

— Я тебе потом... Потом все расскажу. Мне сейчас спать хочется сильно. Ты на ключ меня закрой... Он там, в коридоре. Ключ потом отдашь... Потом...

И Иван впал в забытие.

Вечером возле своей кровати Поваляев увидел мать и врача в белом халате. «Скорую» вызвали», — догадался Иван.

Врач сменил Ивану повязку, осмотрел его всего. Смерил давление, послушал дыхание через фонендоскоп. Затем задал Поваляеву несколько вопросов, на которые Иван машинально ответил.

— Сотрясения у мальчика нет, — сказал доктор Ирине Петровне. — Но наблюдается общее ослабление организма. Потеря крови. Возможно, нервный стресс. Покой и отдых. Пусть отлежится несколько дней. И вот еще — выкупите в аптеке вот это, — он выписал рецепт и отдал матери.

Мать проводила врача и вернулась к постели сына. Положила руку ему на лоб.

— Что произошло, сын? Что с тобой?

— Я упал, мам. Ничего не помню. Потом Славка пришел. Он помог мне. Мне спать хочется, мам. Можно я посплю?

— Ну, спи, сынок, спи. Выздоровливай.

Ночью Ивану стало совсем плохо. Он чувствовал, что заболел. Но понимал, что болезнь его началась не от ушиба головы. А раньше, еще

раньше. Поваляев вдруг увидел себя как бы со стороны и обнаружил, что представляет собой какое-то многоцветное существо. Все цвета радуги закрутились вокруг него в виде сложной спирали и через все эти чистые цвета проступали то тут, то там черные и серые цвета. Ага, понял, Иван. Вот это и есть больные места. Надо их перекрасить, перекрасить и все. Тогда станет легче. Но только Иван брал в руки кисть и пытался перекрасить себя в белый цвет, появлялась голова в мохнатой шапке и ухмылялась: зачем, не надо, Ваня, мы и так тебе поможем. Успокойся, Ванечка. Иван страшно ругался на эту голову, прогонял ее. Но она возвращалась вновь и вновь. Это было гораздо хуже, чем кошмар. От кошмара можно было как-то избавиться, проснуться, отогнать его. От ЭТОГО избавиться было невозможно. Когда Иван просыпался, пытка продолжалась. Какая-то трясущаяся боль овладела всем его телом. Болела каждая клеточка, стонал каждый его орган. Вдруг в ушах начинала звучать музыка. Нет, даже не в ушах, а где-то внутри него самого: «Калинка-малинка-малинка-моя-в-саду-ягодка-калинка-малинка-моя». И так без перерыва. Иван вставал, ходил по комнате, потом ложился и все начиналось сначала: калинка-малинка... Пробовал уснуть сначала на спине, потом переворачивался на левый бок, потом на правый. Простыни скомкались,

кровать накалилась как раскаленный уголь. И вдруг... когда Поваляев повернулся в очередной раз в постели, он увидел... его. Того, кто пытался окрасить Ивана в черный цвет. Нет, это была не та голова в мохнатой шапке и даже не тот, с кем он встретился глазами в зеркале. Это был их хозяин. Иван сразу понял это. Если бы Ивана потом спросили, как он выглядел, он бы не смог описать. Но глаза, глаза он запомнил навсегда. Из глаз, смотрящего на Ивана, исходили сила, мощь, ужасающая пронизательность. Казалось, он знает о Поваляеве все. Он заглядывает в самые недра Иванова существа и изучает его.

Иван не выдержал его взгляда и доли секунды. Ужаснувшись, он отвернулся от него.

Нет! Нет! Нет! — закричало все его существо. — Это не мое! Нет!

И тогда... Тогда больной встал с кровати, опустился на колени и начал... начал молиться. Иван не знал ни одной молитвы. И все же он молился. Он обращался к ТОМУ, КТО НАВЕРХУ. Поваляев просил помочь ему, ведь он только начинает жить. Просил, чтобы он не болел. Просил, чтобы его простили. Ведь он так виноват. Просил, чтобы мир не был так жесток. Просил объяснить, что же с ним происходит. И еще были слова, слова и слова. Слова, обращенные к Небу.

Затем Иван вновь лег в постель. Медленно, но

боль все же исчезала. Содрогание клеток превратилось в плавное качание. Сон смежил веки Ивана. И Поваляев вновь вернулся Туда. Но только теперь уже в другом качестве. Он больше не был зрителем, он не смотрел на «движущиеся картинки» со стороны. Он сам стал героем.

* * *

Корабль плавно покачивался на волнах. Команда уже была готова к отплытию. Капитан смотрел в безбрежную даль океана, как бы пытаясь мысленно окинуть взглядом весь путь, который предстояло им преодолеть. Галвис находился на берегу и пребывал в крайнем волнении. Он, не находя места, быстро шагал то в одну сторону, то в другую. Галвис был облачен в полное одеяние воина. Теперь, когда его посвятили в Миссию, он перестал быть просто учеником Храма Мистерий. Он стал командиром отряда по сопровождению наставника Харвиса. Верховные жрецы открыли ему часть Великой Тайны. Сначала знание вызывало сильный страх, даже ужас в душе молодого человека. Но оно же придало ему потом великую уверенность и безмерную надежду. До сих пор все шло по плану. И вот только теперь... Уже минуло назначенное время, а Кератис так и не появился. В сопровождении двух

воинов он должен доставить Тревю сюда, к кораблю, чтобы она смогла отправиться со своим мужем на новую землю. Но что-то задержало их. Что?

И вдруг из-за зелени деревьев показался отряд. Но почему он такой большой? Боги! Да ведь это Черные рясы!

Галвис обернулся к своим воинам и дал команду готовиться к бою. Солдаты спустились с корабля и построились в боевом порядке.

Черные рясы приблизились. Один из них вышел вперед и поднял руку.

— Останови своих воинов, начальник Галвис, — произнес он. — Мы хотим говорить с тобой.

Галвис дал знак рукой своим воинам остановиться.

— Говори, я слушаю тебя.

— Мы надеемся на твой рассудок и мудрость, о Галвис. Учитель Керпис и твоя жена Тревия у нас. Мы готовы подарить их тебе, если ты выдашь нам наставника Харвиса и его груз. Ты не нужен нам и сможешь спокойно удалиться на корабле в объятиях жены и в обществе своего любимого учителя. Это хороший обмен. Ты согласен?

Галвис побледнел. Ему предлагали совершить страшное предательство в обмен на жизнь жены

и любимого учителя. Галвис готов был броситься на колени и обратиться к силам неба. Боги! За что же вы послали мне такое ужасное наказание?!

Но сила и мудрость не оставили Галвиса в столь трудный час. В ушах словно наяву прозвучал голос учителя: «До самого отплытия корабля и в течение всего вашего многотрудного пути станут возникать перед тобой соблазны и великие испытания. Помни об этом и будь готов ко всему. Но воля твоя должна быть несгибаема. Ибо есть у тебя только один путь, одна цель — доставить Харвиса и Ценный Груз до места назначения».

Галвис с яростью вытащил меч и взмахнул им над головой.

— Каре-сарис! — крикнул он. Это была боевая команда, приказывающая воинам арьегарда выдвинуться вперед и принять бой, дав возможность отступить остальному отряду. Семь солдат, выстроившись «щеткой», смело двинулись на врага, зная точно, что идут на верную смерть. Черные рясы с воплями кинулись на них.

— На корабль! — продолжал командовать Галвис. — Капитан, отплываем!

Солдаты бросились на корабль. Капитан отдал необходимые приказания матросам. Через несколько мгновений морское судно отчалило от берега. Галвис смотрел, как воины, которых он

послал на верную смерть, продолжали мужественно биться. Черные рясы окружили их. Темное кольцо продолжало сжиматься, и вот только двое солдат в светлых одеяниях продолжали сопротивление. Но вскоре и они пали.

— Слава падшим за Свет и Веру! — воскликнул Галвис. — Слава героям!

— Слава героям! — откликнулись хором солдаты.

— Да примет бог Тот их души!

— Да примет бог Тот их души!

Галвис выполнил предначертанное судьбой. Но душа его томилась и страдала. Только что он, не задумываясь, отправил на верную смерть семь человек. Только что он оставил где-то там, на берегу, в плену врага свою любимую жену, своего мудрого и верного учителя. Не исключено, что и они сегодня погибнут. Черные рясы принесут их в жертву своим демонам. Галвис отвернулся от солдат и прошел на корму. Линия берега становилась все тоньше. Родная страна, родные люди, родная земля, любимые горы и леса — все оставалось там, позади. В неумолимом Пройденном Времени. И ничего-ничего вернуть нельзя. Верховные жрецы минувшей ночью показали Галвису ужасную картину из будущего. О Боги! Вся Атлантида погрузится в пучины океана. Она исчезнет с лица земли! Погибнут тысячи и тысячи

людей. Галвис тогда осмелился спросить Верховных жрецов:

— А вы... вы тоже оставите страну?

Верховный жрец Мейтреис запустил юноше руку в волосы и сказал:

— Мы будем с нашей страной до самой последней минуты. Но мы не умрем. Мы, как и все Светлые Души Атлантиды, переживем трансформу. Мы уйдем туда, откуда вернемся на другие материки, чтобы продолжить начатое. Не беспокойся о нас. Выполни свою миссию, и ты пройдешь свой путь достойно и единственно верно. В Кристаллах, которые вы заложите под Храм в новой земле, хранится вся информация об Атлантиде. В них же — Великая Светлая Сила, которая будет защищать Храм от подземных сил тьмы. От этого храма начнется новый путь человечества. И ты, Галвис, будешь одним из тех, кто, совершив великий подвиг, даст людям новый шанс прийти к Свету и Единому Богу...

Да, Галвис знал, что он идет по единственно верному пути и выполняет Великую Миссию. Но все же он не смог сдержать своих слез. Он подставлял свое лицо морскому ветру, чтобы тот смахивал слезинки с его щек: не дай бог их увидят солдаты или матросы! Предводитель отряда не должен показывать свою слабость. Однако слезы появлялись вновь и вновь.

— Тревия! Милая, родная, неповторимая! — шептал Галвис. — Часть души моей! Мое солнце, моя вера! Прощай! Прощай, Тревия...

6. Память Атлантиды

Поваляев проболел десять дней. Когда он появился в школе, одноклассники будто даже не узнали его — так сильно изменился Иван. Он похудел, осунулся, щеки его впали. Куда-то подевались мощные Поваляевские мускулы. Изменились и глаза. Умеющий за человеческими глазами видеть глубину души, обнаружил бы большие изменения внутри Поваляева.

Ольги в школе не было. Иван после каждого урока напряженно ждал, что откроется дверь, и она войдет в класс. Но Ольга так и не появилась.

— Слушай, Слав. А ты не можешь узнать, где... где сейчас Ольга. Что с ней? — спросил Иван на перемене своего друга.

— А чего тут узнавать? Она вернулась. Ну, с этого своего семинара. Вернулась и заболела — не хуже тебя. Простудилась, что ли. Три дня в постели лежит. Я, кстати, заходил к ней. Она велела тебе привет передать. И просила, если ты выздоровеешь первый, зайти к ней.

— А что ж ты молчишь тогда? Почему ничего не говоришь? — Иван вдруг почувствовал сильное

волнение. Значит, Ольга ждет его. Значит, они скоро встретятся. Встретятся!

— Ничего я не молчу. Вот и говорю тебе. Ты же сегодня в школу пришел. Вот я сегодня тебе и говорю. Так вот.

Славка был несколько не в себе, и чего-то не договаривал. Он во время этой беседы не походил на себя, вроде бы нервничал. Но Иван ничего не замечал. Его охватило какое-то лихорадочное предчувствие долгожданной встречи. Сегодня! Сегодня они обязательно встретятся!

Иван едва дождался окончания уроков. Он всей душой жаждал скорой встречи, но и одновременно как бы отодвигал ее, честно признаваясь себе, что боялся предстоящего разговора. Конечно, его мучило воспоминание о том кошмарном дне... Пьянка... Драка в кафе... Его ночь с Лариской.

Но долгие дни болезни изменили Полваляева. За это время произошло такое, что Иван одним словом даже и назвать не смог бы. А в результате сейчас по коридору школы шел совсем другой человек, человек с другим сознанием и верой в душе. Да, да — верой, настоящей верой.

Именно тогда, когда Иван заболел, он обратился к Высшим Силам, и они откликнулись на его молитву. Поваляев чувствовал это, знал, что ему помогли. И поэтому, когда три дня назад

испуганная его болезнью мать предложила Ивану пойти в церковь и пройти обряд крещения, Поваляев без колебаний согласился.

Церковь находилась за городом. Иван с матерью минут двадцать ехали на автобусе. А от остановки до храма предстояло идти еще километров пять через село Сергиевку. У Ивана, и так ослабленного после болезни, вдруг заболели ноги.

— Мам, может, такси возьмем? А то мне тяжело идти.

По дороге время от времени проносились машины. Мать поднимала руку, пробовала «голосовать», но ни один автомобиль не остановился.

— Пойдем пешком, сын, — сказала, наконец, мать. — До церкви своими ногами надо идти.

Они шли примерно полчаса. И вдруг Иван увидел церковь. Она открылась глазам неожиданно, как будто вмиг выросла здесь, на берегу реки. Осеннее солнышко ласково золотило церковные купола. Когда мать и сын вошли внутрь храма, повсюду шла служба. Мать ушла договариваться насчет крещения сына со священнослужительницей, Иван остался один. И вдруг ему неудержимо захотелось упасть на колени и перекреститься. Неожиданно для себя он так и сделал. Вернувшаяся мать удивленно смотрела на

него.

— Ты что это, сынок? — спросила она, когда Поваляев встал с колен. — Ведь, говорят, нельзя креститься, пока обряд не совершен.

— Можно, мам. Если хочется — можно, — Иван сказал это очень уверенно. Он и не знал, откуда у него такая уверенность. Вообще у него возникло такое чувство, что он не в первый раз в

церкви. Будто он давным-давно бывал здесь часто-часто. Ну, не здесь, не именно в этой церквушке, а вообще — в церкви.

Обряд крещения Иван запомнил как-то урывками. Он помнил, как священник приказал закатать брюки до колен, помнил, как целовал крест, как окунали в воду его голову. Но особенно Ивану запомнился момент отречения от сатаны. «Отрекаешься от дел его... от гордыни его... от аггелов его?» — вопрошал священник трижды. И трижды Поваляев произнес: «Отрекаюсь!» Когда Иван третий раз крикнул: «Отрекаюсь!», священник улыбнулся и сказал:

— Не так громко, а то стены храма трясутся!

И Поваляев как-то сразу оценил его слова. Он понял: не кричать надо, отрекаясь, а отречься надо от сил тьмы в душе.

Обратная дорога из церкви показалась короткой. Солнце словно улыбалось Ивану, улыбался весь мир. Мир и покой царили в душе Поваляева.

И вот теперь Иван шел по школьному коридору, под рубашкой на его груди покоился маленький крестик. И Поваляев почему-то чрезвычайно гордился этим. Как будто нес на груди не маленький крестик, стоимостью в двадцать пять рублей. А какой-то драгоценный кристалл, которому не было цены.